Original copy owned by Mr Michael R. Niminsky,
Secretary Treasurer,
Municipal District # 23,
[illegible],
Alberta.

ST. MICHAEL.
ALBERTA - CAN.

DEPARTMENT OF CITIZENSHIP AND IMMIGRATION

CANADIAN CITIZENSHIP BRANCH

MEMO

"ABOUT EMIGRATION" By Dr. Joseph Oleskow.

Publ. by the M. Kachkovsky Educ. Society, Lvov, 1895.

Dr. Oleskow visited Canada in July-August 1895, (October) was appointed by the Department of the Interior Canadian Immigration Representative for the Austro-Hungarian Empire and remained such during 1895-1900. The booklet "About Emigration widely distributed in Galician villages sparked the emigration of Ukrainians during 1896-1914.

THIS IS THE ONLY KNOWN COPY ON THE WHOLE AMERICAN CONTINENT.

Изъ типографіи Ставропигійского Института.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА имени Мих. КАЧКОВСКОГО.

Мѣсяць Декабрь (1-ый день), 1895 — ч. 241.

О ЭМИГРАЦІИ.

Написалъ

Д-ръ Іосифъ Олеськовъ.

ОТЗЫВЪ

центр. Выдѣла Общества им. Мих. Качковского.

ЛЬВÔВЪ, 1895.

Изъ типографіи Ставропигійского Института.

(За редакцію отвѣчае Богданъ А. Дѣдицкій)

Эмиграція.

Одурѣвшій изъ нужды народъ продае мѣстцами грунты уже не полу-даромъ, а за третью, четвертую часть цѣны, щобы тôлько за то взыскати хотя надѣю: дôстатись до той Параны въ Бразиліи, — гдѣ, мовлялъ, не лишь землю даромъ даютъ, но еще до того и машину, которая землю буде обрабляти, а хлопъ тѣмчасомъ буде собѣ на печи уживати заслуженного спокою...

Говорити на розумъ такымъ людямъ, що, которыи вѣрятъ въ робучіи машины и въ то, що наши архикнязи, чи архикняжны, тамъ-туда людей стягаютъ, — совсѣмъ пустое дѣло, бо — „що дурному по розумѣ?“ Дурному тôлько дурное трафитъ до головы...

А вотъ то, що я тутъ пишу, — призначено для людей розважнѣйшихъ, изъ которыхъ може быти якая корысть чи въ тôмъ, чи въ инôмъ краю.

Въ другой половинѣ мѣсяца липня сего года предприиялъ я подорожь до Америки, въ товариществѣ одного мужика (розумного, на нашу галиц-

кую мѣру), щобы провѣдати, чи есть тамъ вôльныи земли въ доброй якости и чи могли бы наши мужики найти тамъ лучшую долю. Выбирался со мнôю еще и другій крестьянинъ, но той не былъ въ можности выстаратись о грôши, потрêбныи на такую подорожь, и остался дома. На подорожахъ сойшло намъ цѣлое лѣто, а дорога, которую я въ Америцѣ ôтбылъ, выноситъ до десяти тысячъ англійскихъ миль.*) Самая долгота желѣзничой линіи, переходящои ôтъ одного краю Канады до другого, выноситъ выше три тысячи миль англійскихъ. Съ такими-то просторами масся тамъ до дѣла! Тамъ, що держава, то такая великая, якъ той свѣтъ, що мы на немъ живемъ, то есть Европа. Соединенныи Штаты такъ великія, якъ Европа, Канада собѣ-жъ такъ само, да и Бразилія также. Нашъ крестьянинъ не въ силѣ даже добре выучити назву краю: Бразилію передразвюе то Бриаолією, то Брензолією, а Парану (такъ называесся одна провинція въ Бразиліи) кличе Паранею и т. д. А поѣхати до Бразиліи, то ему не кажесся бôльшимъ подвигомъ, якъ вотъ гдѣ до якого-тамъ села за 5—6 миль! А тѣмчасомъ одно такое слово, якъ Бразилія, Канада, що то оно въ собѣ вмѣститъ!...

Цѣлыми днями можно бы ѣхати курьеромъ (т. е. найскоршимъ желѣзно-дорожнымъ поѣздомъ), по голыхъ майже скалахъ, посередъ предвѣчныхъ лѣсôвъ, на багнистой земли, чрезвычайно буйно порастающихъ, то снова черезъ сухіи пустыни, гдѣ ôбоже якъ свѣтъ свѣтомъ не уросте, то черезъ горы такъ дикіи и такъ стрôмкіи, що, якъ говорю, цѣлыми днями будешь посередъ нихъ ѣхати ку-

*) Англійская миля меньшая, чѣмъ четверть нашой мили

рьеровъ и не увидишь мѣстця, гдѣ бы хату можно причѣпити...

А по-при томъ находятся въ Соединеныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, въ Аргентинѣ, въ Сибири и въ многихъ другихъ краяхъ, тôлько не въ Паранѣ, ни вообще въ Бразиліи, — величезныи просторы незанятого чорнозема, который тôлько ори плугомъ и который получается даромъ, или за кôлька до кôльчанадцати гульденôвъ ôтъ морга!

Порôвнанье Бразиліи съ иными краями,

именно съ Соединенными Штатами и Канадою

Въ Бразиліи получае эмигрантъ 20 моргôвъ вѣковѣчного лѣса за цѣну до 500 зр. на сплату. Процента платитъ 20 зр. въ годъ ôтъ сотки.*)

Въ Бразиліи лѣсъ до корчованья такій буйный, що цѣлогодичною роботою не много бôльше вычистишь, якъ моргъ. Отже за моргъ поля платитъ эмигрантъ не лишь грôшми, но и

Въ Канадѣ, а также гдѣ-куда и въ Соединенныхъ Штатахъ, получае эмигрантъ 113 моргôвъ земли даромъ, взглядно за оплатою 25 зр. за номѣръ.

Въ Канадѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, а такъ само въ Аргентинѣ и въ Сибири, земля якъ найлучшого рода (чорноземъ степовый), готовая пôдъ плугъ. Кромѣ даровой

*) Якъ видно, правительство бразилійское поставило такіи условія для эмигрантôвъ, которыи наперлись ити конечно на грунѣ, що они мусятъ пô кôлькохъ лѣтахъ банкротовати, съ грунта ихъ выкинутъ и эмигранты пôйдутъ остаточно туда, куда ихъ властиво спроваджуютъ то е. на роботу при плантаціяхъ, кавы бразилійскихъ панôвъ, на мѣсце невôльникôвъ...

роботою цѣлого года, которая всюда въ Америцѣ, а тѣмъ самымъ и въ Бразиліи, варта пару сотокъ зр. Моргъ поля, готового пôдъ управу, коштуе такимъ способомъ нашого эмиґранта въ Бразиліи парусотъ гульденôвъ.

Лѣсы въ Бразиліи, въ которыхъ поселяютъ нашихъ людей, ôтдалены о 15 и 20 миль ôтъ найблизшой желѣзной дороги. Край совсѣмъ дикій; збôжа нѣтъ кому продати, промысла нѣтъ ніякого (за марную сокиру четыре ,реньскіи треба заплатити), заробка также ніякого. Въ додатку бразилійскіи гроши мало що варты, за все ними подвôйно приходится платити! Податки высокіи.

Климатъ въ Бразиліи, даже и въ Паранѣ, не пôдходитъ для нашого человѣка, бо, кроме земли, можно всюда тамъ получити землю и низше 10 зр. за моргъ, а за 25 зр. ôтъ морга на сплату получитъ уже землю якъ найлучшую, при самой желѣзной дорозѣ, при городахъ. И що-жь въ виду того подумати собѣ о честности или о вѣдомостяхъ тѣхъ людей, котори пхаютъ нашихъ селянъ въ Бразилію?!

Въ Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Аргентинѣ можно всюда купити землю при самой желѣзной дорозѣ даже за кôлька гульденôвъ ôтъ морга.

Все, що я навôлъ на некорысть Бразиліи, до тѣхъ краѣвъ не относится.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, Аргентинѣ, Россіи, и даже въ Сибири, кли-

мѣ жолтой пропастницы (февры), которая и въ Паранѣ случается, каждый привужденъ перебывати такъ зов. аклиматизаційную болѣзнь.

Дорога до Бразиліи, на самъ грунтъ, если бы ѣхати безъ перервы, продолжаєся около пяти недѣль. Но на корабель въ Удине; таки еще тутъ въ Европѣ, ждутъ наши люди цѣлыми недѣлями, а якъ теперь, то и цѣлыми мѣсяцами, обдираны съ послѣднього крейцара пьявками-агентами. Въ Паранѣ случаєся, що нашихъ эмигрантôвъ держатъ на ихъ коштъ цѣлыми мѣсяцами въ баракахъ, не ôтвозячи ихъ на грунтъ.

Дорога до Бразиліи провадитъ черезъ горячій поясъ — и люди, а особливо дѣти, мрутъ ôтъ того горяча по дорозѣ... Газеты описуютъ, якъ-то наши женщины кидаются съ отчаянья въ воду за трупами дѣтей, спущенными на дно моря...

жатъ, хотя мѣстцами острѣйшій, однако всегда здоровый. Плоды родятся тѣ самыи, що у насъ.

Дорога ажъ на грунтъ до Канады и Соединенныхъ Штатôвъ, тревае около двохъ недѣль.

До Соединенныхъ Штатôвъ и Канады дорога провадитъ черезъ поясъ умѣренного климата и морская подорожь совсѣмъ не потягае за собою убôльшенья смертности.

Кошты дороги — то найважнѣйше; — „шифкарту“ до Бразиліи можно было даромъ получити. Но теперь агентъ Нодари, ôтъ которого товариство св. Рафала получало билеты, написалъ до Львова, що перевозъ людей встримуе на сѣмь мѣсяцѣвъ, а каждому, що пôслалъ ему задатокъ, сверне его на желаніе. Рѣчь въ тѣмъ, що италійскіи власти выточили Нодару процесъ за обманства галицкихъ эмигрантôвъ. Не одинъ, щó спустился на дурничку дармого перевоза, заплатилъ бôльше, якъ бы заплатилъ до Соед. Штатôвъ, или до Канады.

Кошты дороги до Канады ажь на грунтъ выносятъ около 120 зр. на особу. До Соединенныхъ Штатôвъ, а именно тамъ, гдѣ наши люди на заробки ѣздятъ, потреба мати также стôлько, бо вправдѣ дорога дешевша, но по пріѣздѣ повинно быти въ руцѣ хотя 40 зр., — иначе завернутъ назадъ до Европы.

Такъ що-жь бы изъ того порôвнанья выходило?

А що-жь иного (отвѣтитъ каждый), якъ не то: ѣхати или до Соединенныхъ Штатôвъ, или до Канады, брати грунтъ даромъ, или на сплату за малыи гроши и — газдовати?...

И я такъ думалъ передъ моимъ выѣздомъ до Америки, но нынѣ погляды мои въ одной точцѣ смѣнилися. Ошибся я не на Канадѣ, ни на Соединенныхъ Штатахъ, бо тамъ найшолъ я все якъ слѣдуе, но на — нашихъ людяхъ...

Американцы, а русскіи мужики.

Отъѣзжаючи до Америки, думалъ я, що среди американцêвъ, которыи всѣ самыи робучіи люди, и у которыхъ всякій трудъ, чи умственный, чи ручный, почитаесся, — якъ разъ мѣстце для нашого мужика. Но не розважилъ я, що американцы ôтъ вѣкôвъ народъ свободный, що у нихъ была воля рости и розвиватись. Тамъ каждый дорôсъ до такого общественного уровня, до якого у насъ дорастае лишь шляхта и интелигенція, драпаючись по мужицкихъ хребтахъ...

Я писалъ: Въ Америцѣ не ма хлопа, не ма пана. Но лучше бы сказати: Въ Америцѣ не ма хлопа, — тамъ всѣ паны!

Каждый робôтникъ въ Америцѣ, даже той, ôтъ найчорнѣйшой роботы, — то, на наши скромныи вымаганья, джентельменъ. Ôнъ убираесся прилично, по-свѣтовому, умѣе провадитись въ товариществѣ, а изъ американской народной школы и поучающой жизни выноситъ свычайно бôльше знаній, чѣмъ нашъ братъ по скôнченью университета или всеучилища. Особенное еще свойство англичанина и американца слѣдуе тутъ пôднести, именно чрезвычайную чистоту; ôнъ не сяде никогда до ѣды, не обмывшись попередъ, такъ що каждый изъ нихъ мыесся мыломъ по крайнѣй мѣрѣ три разы въ день.

Въ Америцѣ широкая свобода и всѣ тѣ люди, у которыхъ есть почувствіе человѣческого достоинства, — всѣ они въ засадѣ рôвныи. Лишь Негръ (муринъ), китаецъ и индѣецъ, а особенно двѣ послѣдніи расы, не дорастаютъ никогда до уровня правдивыхъ американцêвъ, никогда не бываютъ

джентельменами и для того они у всѣхъ въ презрѣнии.

Американецъ презирае человѣкомъ, у которого нѣтъ почувствія людского достоинства. То-жь само и англичанинъ.

Нѣтъ межь американцами ніякого униженья, ніякого лизунства; даже коли витаются, то тѣмъ простѣйше головы держатъ, щобы человѣкъ передъ человѣкомъ не гнулся. Въ Америцѣ нѣтъ шляхтичей, нѣтъ урядниковъ, которымъ бы треба кланятись. Урядникъ есть тамъ робôтникомъ, якъ каждый другій, и безъ тѣхъ привилегій, якъ у насъ, въ Европѣ. Уряды подôбно, якъ и въ Англіи, уряжены яко бы якіи банки, или склепы. Якъ до склепу, такъ и въ урядъ приходится за интересомъ. И якъ въ склепѣ американскій обычай велитъ держати капелюхъ на головѣ, такъ до каждого уряда, а даже до министерства, входится свободно, въ капелюсѣ на головѣ и, розумѣеся, безъ шапкованья и поклоненій.

Представте-жь собѣ среди такого окруженья нашого мужика, воспитанного въ вѣковѣчной неволѣ, темного, обдертого, нехарного, а надъ все невôльника, безъ тѣни достоинства человѣческого!.. Тутъ его „старшіи браця“ держали парусотъ лѣтъ пôдъ своими стопами, въ темнотѣ и нуждѣ. Нехай бы былъ попробовалъ пôднести чело, или не уклôнитись въ часъ! Становище шляхты въ виду мужика было за-надто выгодное, щобы мало не каждый сурдутовецъ не захотѣлъ собѣ подобно же трактовати мужика... Урядникъ первый занялъ такое самое становище, а дальше — скажѣмъ правду — и тѣ многіи мужицкіи сыны, которыи, надѣвши мундуръ чи сурдутъ, и сами не спохватились, якъ въ отношенью до мужика вступили въ слѣ-

ды шляхты; въ конць даже послѣдній сельскій пархъ — и тотъ еще въ претенсіи, щобы ему мужикъ кланялся!...

Коли-жь нашъ мужикъ такъ, якъ тутъ стоитъ, появится въ Америцѣ побôчь сына воли, американца, — не удивляйтеся, що той съ омерзѣніемъ смотритъ на него, на его поклоны, на лизанье рукъ, на пôдлое само униженье. Если бы такихъ до Америки прійшло много, то бы имъ американцы чи канадійцы по-просту грунта не дали; боялись бы, що обнижатъ уровень тамошнёй культуры. Кôлька родинъ изъ-пôдъ Перегинска, которыхъ кинула доля сей весны въ Канаду, надѣлали своимъ выглядомъ и поведеньемъ стыдъ русскому имени на цѣлую Канаду... Про нихъ высказался канадійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, що они бôлше похожи на дикихъ индійцêвъ, якъ на людей культурныхъ. И я ихъ видѣлъ и могу совѣстно сказати, що китайцы, негры и полукровныи индійцы безъ сомнѣнія лучше презентуются, якъ тѣ наши люди... Негры были до недавна дѣйствительными невôльниками, въ Китаѣ кастовость сильно розвинена, но ни на однôмъ изъ тѣхъ народôвъ пятно неволи не выгнеснено такъ глубоко, не перейшло такъ основно въ кровь и характеръ, якъ у нашого мужика. Видно, добрая была дресура!...

Пятно неволи — то черта, которою нашъ мужикъ рѣзко ôтличаеся ôтъ народôвъ высшой культуры, а найпечальнѣйше въ тôмъ всёмъ, що раболѣпіе перейшло въ кровь и кости народа... Въ безграничной глупотѣ своей народъ самъ вппюе его своимъ дѣтямъ, яко правило житейской мудрости. Сельская баба научае свою дитину лизати лапу первого-лучшого сурдутовца, бо „такъ го-

дится.“ Мужикъ содрогаеся на одну мысль покинути внѣшній признакъ „мужицтва,“ свой стрôй; а баба, увидѣвши фотографію свого сынка въ Америцѣ, пріодѣтого по-свѣтовому („по-пански“), впадае въ ляменты и мало що не млѣе. Я былъ свидѣтелемъ въ Пенсильваніи, якъ до Отця Констанкевича надôйшло письмо отъ одного священника въ Галичинѣ, который описуе именно такую сцену, и со своей стороны упрекае молодого паробка, що пустился „на пана.“ Тѣмчасомъ той паробокъ образцевый робôтникъ и якъ найпорядочнѣйшій человѣкъ. Боже, що за заскорузлѣнье и темнота у насъ!

Интелигенція вообще не выобразовала у насъ здорового общественного сословія, которое бы затерало погубныи кастовыи рôзницы. Она отъ части осталась мужикомъ, рабомъ, а отъ части загортае для себе, въ отношенью до „мужика“, шляхотскіи привилегіи. Що она осталась мужикомъ, рабомъ,— то видно изъ многихъ признакъ. Предовсѣмъ замѣтно то по той уступчивости изъ народныхъ правъ, которая у загалу интелигенціи русской не меньшая, чѣмъ у мужика. Въ воспитаніи дѣтей по домахъ сельской интелигенціи та же самая монгольская этикета, що у мужицкихъ бабъ. Не заставляютъ же бѣдныхъ дѣтей обцѣловывати руки всѣхъ присутствующихъ? Не сдержуютъ же ихъ въ розвитіи на свободныхъ людей, спыхаючи ихъ насиліемъ на найподряднѣйше становище? Въ свѣтѣ англійскомъ и американскомъ совсѣмъ иначе; тамъ не тôлько старшіи въ отвѣтный часъ бавятся съ дѣтьми якъ дѣти, но также сообщаются съ ними по-за тѣмъ поважно и безъ фальшивости, якъ рôвныи съ рôвными. Такъ росте у нихъ и плекаеся почувствіе человѣческого достоинства уже отъ ди-

нимъ. А у насъ? Для схарактеризованья самоубійственной глупоты подаю тутъ на позорище, якіи засады одинъ русскій патріотъ и педагогъ вщепивалъ въ русскихъ дѣтей, коли его допустили до писанья книжечки для народной школы. Пише ôнъ въ томъ смыслѣ: „Мартинцьо бувъ то хлопчикъ чемненькій. Входячи до хаты, запукавъ ôнъ смирненько, поклонився низенько и ставъ въ кутику покôрненько, чекаючи, ажь ся до него старшіи обôзвуть.“ Гей, гей! Злосчастный педагогъ, съ локайскими понятіями о чемности, даже не доглупался, що вотъ тѣмъ пустилъ каплю отрути, обезвладняющой на цѣлую жизнь кровь молодого поколѣнья!...

Съ неволею идутъ долгимъ рядомъ нужда, темнота, нехарность, пьянство и т. д. Однако корена зла всему — вѣковое рабство.

Коли передъ двадцати лѣтами начали наши лемки въ первый разъ наплывати за заробкомъ до Соединенныхъ Штатôвъ сѣверной Америки, тамошніи робôтники обходилися съ ними жестоко, по-звѣрски, бо видѣли, що имъ станутъ заробокъ ôтбирати якіи-то полу-дикіи люди, нехарныи, въ лахманахъ, кормящіи себе якъ „скотъ,“ безъ уживанья ножа и вилокъ, не знающіи ніякихъ культурныхъ потребъ. Скôлько тамъ жертвъ полягло по корчахъ, скôлько калѣцтвъ потерпѣли наши, того бы нынѣ никто уже не счислилъ. Но затѣмъ показалось, що и нашъ человѣкъноcитъ въ собѣ возможность розвитія и що, по кôлькохъ лѣтахъ жизни въ свободнôмъ американскôмъ краю, ôнъ въ силѣ уподобитись до американцѣвъ во всѣхъ ôтношеньяхъ. Вправдѣ, слѣды вѣкового рабства не исчезаютъ такъ скоро, однако наши лемки, побывши въ Америцѣ кôлька лѣтъ, уходятъ уже въ о-

чахъ американцôвъ за людей. И теперь лемки научаютъ каждого своего, коли его спроважаютъ до Америки, якъ ему вестись. Напередъ тутъ еще, въ Европѣ, убраеся ôнъ въ свѣтовый строй, хотя то „по-пански," — а потôмъ проучаютъ его таки дома тѣ, що уже были въ Америцѣ, якъ вести себе при ѣдѣ, якъ обходитись съ вилками и ножомъ, якъ старанно треба сохраняти чистоту. Та наука довлѣе, щобы перепслысти море, не звертаючи на себе за-много уваги и не причиняючи собѣ презрѣнія бôльше культурныхъ народôвъ. Коли же нашъ эмигрантъ-лемко заѣде до своихъ въ Пенсильванію, то тамъ берутъ его межь себе и держатъ въ хатѣ на свôй коштъ, поки лучше не пріучится правилѣ приличія. Нашихъ дѣвчатъ держатъ такъ двѣ и три недѣли, поки не научатся вестись въ людскôмъ товариществѣ такъ, щобы своимъ не дѣлали стыда.

Знайте-жь, люди, що свѣтъ всюда иный, якъ у насъ, и що вамъ, коли лишь тронетеся изъ родины, примѣнятись треба до свѣта, а не свѣту до васъ. Привыкати до чужихъ порядкôвъ дѣло трудное, тѣмъ бôльше, що наши, со своею чрезвычайно низкою степенью образованья, не всюда въ свѣтѣ припоровлятся. То треба перебыти, — а добре есть знати съ горы, що человѣка ожидае. Если бы вы были уже на мѣстцѣ, чи то имѣючи уже роботу въ Пенсильваніи, чи грунтъ въ Канадѣ, то можно быти о ваше поведеніе спокойнымъ, но вы сами не найдете добра, безъ щирого провода со стороны своихъ, свѣдомыхъ дѣла людей.

Въ каждôмъ случаѣ, кто выбираеся въ свѣтъ и хоче, щобы ему въ немъ повелось, долженъ 1) привыкати тутъ до чрезвычайной чистоты якъ тѣла, такъ и бѣлья, и въ цѣлой дорозѣ строго того при-

держиватись; 2) нехай приберется хотябы въ найдешевшій свѣтовый стрôй, щобы не свѣтити голыми грудьми. Всякіи застяжки и шнурки при сорочкахъ треба заступити пуговками (гузиками) и спинками. Пріучитись належитъ употребляти хусточки до носа, а покинути крайне нехарный свычай обтирати нôсъ пальцами. Женщины нехай приберутъ додатковый спôдный стрôй (пôдштанишки, майтки), бо коли недавно кôльканадцять нашихъ родинъ переѣздили черезъ Англію до Канады, при найменьшôмъ подувѣ вѣтра указывались нагіи лытки и голены женщинъ, що ажь сами соромились. Людей некультурныхъ пôзнати также по тôмъ, що не умѣютъ владати вилками и ножемъ при ѣдѣ; отже жь тутъ уже треба тѣ вещи купити и научитись обходитись съ ними. 3) Предовсѣмъ однако належитъ скинути съ себе въ дорозѣ пятно рабства, пôднести чело и смотрѣти смѣло людямъ въ очи, а не съ-пôдъ лоба, якъ тотъ звѣрь, травленый собаками. Не гнѣтся и не пониижайтеся, бо свободныи люди съ омерзѣньемъ ôтвернутся ôтъ васъ.

*

* *

Живемъ и трудимся для народа ôтъ многихъ лѣтъ, а въ пору, коли лишь народъ переступилъ границу своего отечества, оказуеся, що треба было трудитись въ направленью, которое николи и до головы не прійшло. Належало было будити потребы культурныи, а мы тѣмчасомъ восхищались „народною философіею" и другими высокими свойствами нашого народа, которыи, коли добре розглянутись по свѣтѣ, найдутся въ той самой мѣрѣ хотябы у такихъ народôвъ, якъ — индійцы. А якая полезная была та робота, показуеся изъ того, що

вотъ въ ту пору, коли то пишу, каждого дня кôлькасотъ люда, темныхъ и до ничого неспосôбныхъ, жене на свою погибель до — Бразиліи!...

Дорога до моря.

Въ попереднêмъ роздѣлѣ ôткрылъ я вамъ очи на свѣтъ широкій, а особенно на рôзницу, якая межь робочимъ человѣкомъ въ Америцѣ и нашимъ рабомъ-русиномъ заходитъ. Теперь уже срозумѣете легко, для чêго до Бразиліи не тягнутъ людей изъ иныхъ краêвъ, для чего не идутъ тамъ на пр. эмигранты изъ Нѣмеччины (Германіи), лишь ôтъ насъ. По-просту для того, що тамъ скасовано недавно право пановъ: держати собѣ чорныхъ негрôвъ (муринôвъ) за рабôвъ (невôльникôвъ), а треба имъ было найти такихъ, щобы рабôвъ добре заступили... На такую службу по рабахъ ни нѣмецъ, ни французъ, ни ніякій другій не пôйде; лишь наши люди готовы пôддатись и для того-то такъ щиро заманюютъ ихъ до Бразиліи. Посолъ до думы державной, ксендзъ Копыцинскій, ôтчитовалъ недавно въ Вѣднѣ письма нашихъ людей изъ Бразиліи, гдѣ сказано, що ихъ тамъ просто розстрѣлюютъ, если бы который хотѣлъ утêчи ôтъ роботы! Такій-то рай въ той Бразиліи!...

Ѣдучи до сѣверной Америки, треба напередъ переѣхати черезъ цѣлую Галичину, потôмъ черезъ Нѣмеччину ажь до порта (надморского мѣста) Гамбургъ, или Бременъ. До моря ѣдеся два дни, пересѣдаючи кôлька разôвъ изъ одной желѣзной дороги на другую, а въ Берлинѣ треба даже переѣздити омнибусомъ изъ одного дворца на другій, именно на „Лертеръ бангоѳъ;“ германскую

границу переѣзжаеся въ Освятимѣ или Мысловицахъ и ѣдеся напередъ до Бремена.

Въ пору горячковой эмиграціи, жандармы наши сдержують пôдъ розличными позорами эмигрантôвъ, а тѣхъ, который належатъ до войска, арестують и суды караютъ ихъ, если окажеся, що они хотѣли край покинути на-всегда. Властиво свободно каждому ѣхати, куда подобаеся, бо у насъ на то конституція; однакожь тѣмъ, що до войска належны, уже таки съ самого права запрещено покидати край. Въ практицѣ дѣеся такъ, що молодцôвъ, которымъ бы приходилось тôлько за 3—4 лѣта ставати до ассентирунку, также не пускаютъ. Если бы кто ѣхалъ за море лишь на означенное время на заробокъ, на пр. до Пенсильваніи, въ сѣверной Америцѣ, то повиненъ получити паспортъ, хотябы и належалъ до войска. Староство выдало бы такому паспортъ, еслибы было пересвѣдчено, що онъ въ пору верне до своей войсковой повинности.

У кого есть билетъ, напередъ купленный, тому легче въ дорозѣ иде, бо уже его пхнутъ куда слѣдуе, однако все-таки въ партіи эмигрантôвъ долженъ находитись ктось, що знае по нѣмецки, щобы, въ случаѣ потребы, въ Нѣмеччинѣ успѣлъ розговоритись. Иначе може случитись, що, вмѣсто до „Саса," заѣде эмигрантъ до „ляса," и еще солоно за то велятъ ему заплатити...

Ни одному эмигранту не слѣдуе пускатись въ дорогу безъ „шифкарты" въ руцѣ. „Шифкарта" есть то билетъ на проѣздъ моремъ. У кого нѣтъ шифкарты, того чêпаются прусскіи жандармы и завернутъ до дому шубпасомъ, если не може выказатись готôвкою выше двѣста гульденôвъ. Шифкарту можно вправдѣ легко получити за посредни-

чествомъ якой-нибудь агентуры въ Гамбурзѣ, или Бременѣ, однако агенты могутъ обманути. На кôлькасотъ эмигрантôвъ-нѣмцѣвъ, которыхъ я выпытовалъ, що они заплатили за дорогу, показалось, що мало не всѣ поплатили бôльше, якъ належалось, или же ѣхали фалшивою, дорожшою дорогою; неразъ за особу платили по двадцать кôлька зр. бôльше, якъ слѣдовало. А то были нѣмцы, которыи собѣ всюда легче даютъ раду, якъ наши. Такъ-то въ свѣтѣ всюда, где ступишь, слабшого розумомъ вызыскае проворнѣйшій...

Понеже эмиграція до сѣверной Америки чи то на заробокъ, чи изъ-рѣдка также и на поселеніе, не може устати, должно бы быти у насъ во Львовѣ заведеніе, въ которôмъ нашъ эмигрантъ мôгъ бы получити „шифкарту“ по найдешевшой цѣнѣ, и въ которôмъ бы безъ вызыска вымѣнялъ собѣ гроши на нѣмецкіи и американскіи и вообще мôгъ найти пораду и опѣку на дорогу. Съ другой стороны океана, уже въ Америцѣ, именно въ Пенсильваніи, тамъ, где есть уже до двѣста тысячъ нашихъ людей изъ Лемковщины и Угорщины, приготовляютъ уже такую опѣку и пораду для нашихъ эмигрантôвъ, а именно устроюютъ эмиграційный дôмъ въ Новôмъ Іорцѣ, т. е. въ портовôмъ мѣстѣ въ Америцѣ, до которого пріѣзжаютъ корабли изъ Европы. Недавно росправлялся я со священниками Констанкевичемъ и Дмитровымъ въ Пенсильваніи, а уже доносятъ они менѣ, що сложили кôлькасотъ долярôвъ на эмиграційный дôмъ. Слава тѣмъ патріотамъ, що не жалуютъ гроша на русско-народное дѣло!

Прибывши до Гамбурга, эмигрантъ нашъ глядае агентуры, изъ которой записалъ собѣ шифкарту, въ чêмъ ему тутъ уже всякій жандармъ

чи полицай поможе, указуючи дорогу. Въ агентурѣ принимаютъ его, и уже бтъ той поры эмигрантъ не потребує дбати про себе, бо тутъ уже займутся нимъ, розумѣеся, если попалъ на честныхъ агентôвъ. Виравдѣ, если грошей еще не смѣнялъ, того при мѣньбѣ таки обдурятъ; если шифкарты не купилъ, то ему тутъ значно бôльше за ню велятъ заплатити; если за-скоро пріѣхалъ и долженъ кôлька дней на корабель ждати, умѣстятъ его въ своемъ готелѣ, гдѣ его житье по-готелевому буде якихъ три реньскіи на добу коштовати, — но конецъ кôнцôвъ уже не заблудитъ, ни не опôздится, заведутъ его якъ слѣдуе на корабель, а тамъ уже бнъ на цѣлую дорогу спокойный, бо хотябы и пришлось ему гдѣ пересѣдати, то его собѣ уже безъ коштôвъ изъ рукъ до рукъ подаютъ, якъ-бы якую вещь.

Радъ бы я вамъ що о той Нѣмеччинѣ написати, черезъ которую треба переѣздити, — такъ що-жь: не стане мѣстца въ сей книжечцѣ... Ограничаюся отже лишь на увазѣ моего сопутника, ч. Дорундяка, селянина изъ-пôдъ Коломыи: „Земля тутъ (говоритъ) пуста, но нѣмцы на ней толстыи; ничѣмъ рѣзники коломыйскіи!“

Дорога на кораблѣ.

Надôйшла пора сѣдати на пароходъ; по узкôмъ мôстку, кинениôмъ бтъ берега, перебираются люди на палубу (покладъ) корабля. Боже, що за мѣшанина!.. Старыи и дѣти, богатыи и бѣдолахи, бывальцы и перваки, а що-до языкôвъ — то такъ якъ въ вавилонскôмъ столпотвореніи: англичане, нѣмцы, французы, норвежцы, славяне, жиды, а нерѣдко китаецъ и негръ найдеся...

Мѣстцевыи працаются со своими знакомыми, которыи прійшли ôтпровадити ихъ на корабель. Въ тôмъ, на данный знакъ, стягаютъ мôстокъ и корабель начинае помалу двигатись. Новикамъ, которыи первый разъ въ дорозѣ, забило сердце въ груди внъ волненья, однако уже не пора и нѣтъ способа вернути. Незабавомъ береги суши начинаютъ росплыватись въ воздусѣ, стаютъ чѣмъ разъ невыразнѣйшими, а тамъ уже и совсѣмъ исчезаютъ. Вокругъ парохода, который неутомимо поре морскіи волны, при одностайнôмъ, вымѣреннôмъ стукотѣ толокôвъ въ паровой машинѣ, не видно уже ничого, кромѣ моря: словно циркелемъ означилъ доокола кругъ воды, сѣрой, якъ бы съ пооранною поверхностію; кажеся, якъ бы ты плылъ въ величезнôмъ котлѣ стопленного олова! До краю небосклона кажеся быти не дальше, якъ половину мили, но ѣдеся со скоростію кôлькохъ миль на годину, день, два, бсѣмъ, десять, — а оно все однаково...

А такя на поверхности воды видимъ смѣны. Якъ око засягне, появляются всюда якъ бы стада бѣлыхъ гусей; — то пѣна начинающого чѣмъ разъ сильнѣйше волноватись моря. Смотрячи изъ палубы, волны представляются невеликими, вотъ такъ три-четыре метры высоко, ажь тутъ волна такая сдразливо ударила о бôкъ корабля, хлюснула якихъ 8—10 метрôвъ въ гору и покотилась грохотомъ по палубѣ! Коли сидѣти въ каютѣ пôдчасъ такого удара волны, то ударь такій о бконце изъ скла, на $1\frac{1}{2}$ цаля грубого, представляеся якъ бы выстрѣлъ изъ гарматы... Корабель перемѣняеся въ сгромную гойданку: то запоре передомъ въ волны морскіи, ажь тѣ покотятся съ грохотомъ по палубѣ, то вознесеся въ гору на якихъ 10 метрôвъ.

Шруба съ заду корабля, которою онъ вьорюєся въ море и тѣмъ способомъ посуваєся наперед̆ъ, фуркотитъ грозно въ воздусѣ, коли корабель своимъ носомъ запоролъ въ волны... О, то движенье для новиковъ есть непріятнымъ; — казалось бы, що сидишь на якой-то шрубѣ, которая тебе встрясае и, то пôдносятъ въ гору, то неожиданно опускае въ преисподняя...

То именно и родитъ морскую болѣзнь. Мало есть людей, которыя ю не перебываютъ, но съ другой стороны есть такіи, особливо женщины, у которыхъ та болѣзнь чрезвычайно прикра. Хотя бы ты и два-три дни не ѣлъ, таки млоитъ тебе и нудитъ, а коли почуешь запахъ корабельной стравы, такъ, кажеся, кишки бы ты изъ себе выкинулъ! Чѣмъ бôльше волны кораблемъ хитаютъ, тѣмъ бôльше жертвъ той слабости, а на гдѣ-якіи женщины ажъ страхъ смотрѣти... Правда, що морская болѣзнь совсѣмъ не страшна, и коли море успокоится, или якъ ногою вступишь на сушу, болѣзнь якъ бы ôтняло и каждый чувствуеся даже здоровшимъ, чѣмъ былъ прежде. Насъ якось Богъ стерегъ ôгъ морской болѣзни, но таки первый разъ ѣхати на кораблѣ невысказанно прикро... Добре то сказалъ одинъ жидъ: „Ну, до Америки оно не согôрше ѣхати, але щобы тото море где дѣдько взялъ!“

Первая маленькая буря наганяе страхъ, а даже омерзѣнье, що вотъ тутъ въ той водѣ прійдеся потонати. Страхъ то вправдѣ пустый, бо нынѣшніи великіи, добре побудованныи корабли, совсѣмъ не боятся бури, хотя бы и якъ сильной, но все-таки що набоишся, то остане при тобѣ...

А потôмъ тотъ харчъ на пароходѣ! — Тутъ страва уже сама стане за великую слабость. Море

и такъ настроюе недобре до ѣды, даже тѣхъ, которыи совсѣмъ не западаютъ на морскую болѣзнь; а еще тотъ харчъ, ни прѣсный, ни квасный, такъ совершенно валитъ человѣка изъ нôгъ... Вы, которыи собѣ представляете, що на свѣтѣ всюда точно такъ само, якъ въ вашôй Голодôвцѣ чи Мизерôвцѣ, навѣрно скажете: „Эхъ, що за выгоды! Кобы лишь що ѣсти!" Отже-жь ѣсти даютъ доволѣ, и то все мѣстится уже въ цѣнѣ шифкарты, бо особно за ѣду на кораблѣ не платится, но послухайте, що пише Дорундякъ въ своихъ запискахъ изъ подорожи: „Я вотъ еще лишь двѣ недѣли не ѣлъ рускодо борщу, капусты и кулеши, а уже при англійскихъ прибираныхъ стравахъ боюсь умерти ôтъ голоду... Правда, що даютъ ѣсти, но ту ѣду могли бы лишь псы ѣсти, якъ бы ихъ ласка; а нашымъ людямъ треба радити, щобы взяли съ собою сухарики изъ житного, кислого хлѣба, солонины, колбасы, брындзы, а коли можно, то и доброй кавы, или гербаты." Можете переѣхати цѣлую Англію и Америку вздолжь и поперекъ, а квасной капусты и чорного житного хлѣба не дôстанете! Для того, закѣмъ человѣкъ привыкне до самой пшеничной булки, до стравъ то млавыхъ, солодкихъ, то приправлюваныхъ ѣдкими сосами, житье ему хрôномъ стане... Правда, що, по якихъ 7 дняхъ, уже ѣсться и тамъ-то, но, але привыкнути до того—то также болѣзнь...

Пріѣздъ до Канады.

Лѣтомъ пріѣзжаеся до мѣста Квебекъ (Quebec), а зимою и раннёю весною до Галяфаксъ, бо дорога до Квебекъ заперта въ зимѣ ледами. Въ однôмъ и другôмъ мѣстѣ устроенъ дôмъ для эми-

грантôвъ, съ англійскою чистотою. Великая саля подѣлена на особныи комнатки для каждой родины отдѣльно. На долинѣ кухня, въ которой эмигранты могутъ собѣ варити ѣсти, и купель съ холодною и теплою водою. При эмиграційнôмъ домѣ находится торговля со всякими виктуалами и подорожными приборами, щобы эмигранты могли собѣ накупити стравы на дальшую дорогу желѣзницею. Тота торговля стоитъ пôдъ надзоромъ правительства, щобы эмигранты не тратились даромъ. Вообще, пôдъ англійскимъ правительствомъ всюда справедливость и порядокъ, о скôлько то дастся перевести; тутъ респектуются права, обезпечающіи свободу, а человѣку розумному и умѣючому користати изъ свободы, легко тамъ живеся.

Изъ Галифакса или Квебека до плодоносныхъ, а незанятыхъ еще земель въ Канадѣ, $2^1/_2$ до трехъ дней дороги желѣзницею. На такое время треба заосмотритись всякими припасами. Всѣ колонисты ѣдутъ наперѣдъ до мѣста Виннипегъ (Winnipeg). Цѣны билетôвъ для колонистôвъ значительно низшіи, чѣмъ для звычайныхъ подорожныхъ, и можно ихъ также уже въ Европѣ купити. Колонисты или эмигранты сѣдаютъ до особныхъ возôвъ, съ написомъ Colonist-Car. Возы (Car, вагоны) на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ дуже долгіи и совсѣмъ непередѣлены, а каждый представляе долгую салю, съ деревяными канапками. Въ кутику умывальница, вода и комнатка для пригодныхъ потребъ. На нôчь кондукторъ, по скрученью отвѣтнымъ ключемъ, уставляе лавки въ тотъ способъ, що перемѣняются на лôжка. Кто хоче выгодно ѣхати, купуе собѣ матерацъ еще въ Квебеку или Галифаксѣ и уживае его на прыгахъ или лôжкахъ въ эмиграційныхъ домахъ и въ Colonist-Car.

Дорога желѣзницею провадитъ сразу через мѣстца заселенныи, но потôмъ уже через скалистый край, а ѣдучи туда два дня, просто унывае сердце. „Ото жь я заѣхалъ!" думае собѣ колонистъ. Скалы и скалы свѣтятъ тутъ своими заокругленными лбами. Въ цѣлости поверхность той скалистой высокорôвни выглядае якъ бы закаменѣлое, взволнованное море. Въ низшихъ мѣстцахъ скрушѣла уже скала и покрылась тонкимъ слоемъ каменистой землицы. На той землицѣ росте шпильковый лѣсъ, а и въ каждой скальной щелинѣ ростутъ щетиневыи дерева. Всюда долиною понурыи озерка въ безчисленнôмъ множествѣ.

Но по-надъ все ударяе нашого человѣка явленіе, неизвѣстное въ Европѣ. — Два дни дороги ѣдете курьерскимъ поѣздомъ через лѣсъ, однако въ якôмъ ту лѣсъ состояніи! На тѣхъ величезныхъ просторахъ все спаленныи, осмаленныи или усохшіи ôтъ огню дерева, ôтбиваются въ тусклыхъ водахъ озеръ и наводятъ сумъ и жаль. Есть то лѣсовое кладбище,— не живый лѣсъ. Видно, съ часта бѣсится тутъ огонь, негашенный никѣмъ, бо рѣдко можно увидѣти дерево толстѣйшое, якъ оборожина; деревамъ трудно было вырости, бо, по кôльканадцяти лѣтахъ спокою, случится огонь изъ огнища, оставленного небачно индійцами или бѣлыми стрѣльцами, и дерева горятъ.

Нашъ крестьянинъ, который за куснемъ патика принужденъ тутъ тяжко наконопадатись, или брати грѣхъ на свою душу, выкрадаючи его нечестно изъ чужого лѣса, уже на самôмъ вступѣ на землю Канады удивится, видячи, якъ тамошніи люди въ густо заселенныхъ окрестностяхъ истребляютъ безпощадно лѣсы. Еще въ надморскихъ околицахъ, передъ скальною вышиною, коли кто

хоче очистити кусонь лѣса пôдъ хлѣбъ, то лѣсъ палитъ, а недопаленный, или таки просто стятый пни тягне въ найближшую ягугу, щобы тамъ согнили и ему не мѣшали. Такъ истребляеся тамъ даже матерьяловое дерево.

Поки мы розглядаемся по сумнôмъ образѣ спаленныхъ лѣсôвъ на скальной вышинѣ, поѣздъ жене безпрестанно дальше мôстками по озерахъ, тунелями, выкутыми въ скалѣ, розбурханными для положенья шинъ похилостями скалъ, мчится и не задержуеся, бо нѣтъ при чôмъ. Малая рыбацкая или стрѣлецкая осада встрѣтится ледва разъ на кôлька годинъ ѣзды, и лишь при тѣхъ осадахъ поѣздъ на хвилю сдержуе свôй бѣгъ.

Въ кôнцѣ озерка стають чѣмъ разъ частѣйшіи, а поѣздъ впадае на береги великого, до моря подôбного озера: Лейкъ Сепиріо (Lake Superior), а оттуда бѣжитъ уже самымъ берегомъ того озера, такъ що мѣстцами кажеся вамъ, що вода омывае колеса вагонôвъ. Потôмъ стае чѣмъ разъ бôльше проясниятись: начинаются осады, мѣсточка, великіи тартаки, ажь наконецъ впадае поѣздъ на рôвнину, которая теперь, съ малыми ôтмѣнами, тягнеся безпрерывно ажь до Скалистыхъ горъ, на просторѣ около тысячи англійскихъ миль!...

Плодородная полоса Канады.

На той просторони, тысячу англійскихъ миль долгой, а близко триста англійскихъ миль широкой, тягнеся полоса (поясъ) земли, по найбôльшой части легкой, плодородной чорноземли. На сѣверѣ ôтъ той полосы тягнутся еще несмѣримыи просторони никѣмъ незаселенной земли, но уже въ климатѣ пôдсонья, въ которôмъ збôжа совсѣмъ сѣяти

не можно, бо лѣто за-короткое, а ночами пôздно на весну и также пôзднымъ лѣтомъ приходятъ приморозки.

Плодородная полоса, въ которой збôже управляти можно, роздѣлена на четыре краи (провинціи), а то ôтъ востока Манитоба, въ серединѣ Ассинибоя и Саскачевана, а ôтъ запада Альберта. За Альбертою Скалистыи горы (Rocky Mountains) выполняють дальшую провинцію, Бритишъ-Колюмбію, а за нею великій, Тихій Океанъ.

Въ четырехъ провинціяхъ на рôвнинѣ живе едва стôлько люда, що въ нашихъ трехъ городахъ: Львовѣ, Коломыѣ и Тернополѣ. Весь край тутъ есть или травистая степь, якъ въ южной Россіи, или рôвная якъ стôлъ околица, поперѣзованная нечисленными рѣками, или же представляе легко фалистую околицу, поросшую мѣстцами пролѣсками, лугами и поперерыванную озерками. Где лишь лѣску меньше, американе называють край преріею. Межи степью травистою, а тѣми мѣшанными окрестностями, есть однако рôзница, которую треба добре запримѣтити. Властивая травистая степь не была споконвѣка поросла лѣсомъ и быти може, що лѣсъ даже на ней хорошо не рôсъ бы, а мѣшанный край былъ колись совсѣмъ поросшій лѣсомъ, лишь прерійныи огни разорили его такъ, що едва тутъ и тамъ остался пролѣсокъ. Кто знаеся на рослинности, той сейчасъ замѣтитъ, що мѣшанный край порастае не якъ степь, а якъ срубъ лѣсовый. Многіи зъ тѣхъ рослинъ, которыи у насъ ростутъ на срубѣ, есть и тамъ. На тôмъ срубѣ лѣсныи горошки ростутъ где-куда буйно, що ажь вылягаютъ и неудивительно, що посѣянныи на немъ збôжа такъ буйно выростаютъ.

Дивно вамъ буде, ôткн тамъ такіи огни и якъ трава на пнѣ може горѣти... У насъ бы то было невозможнымъ, но въ той части Канады есть такъ, що дожди падаютъ тогда, якъ сбôже росте, найбôльше въ мѣсяцѣ іюнѣ и еще немного въ іюлѣ. Потôмъ однако слѣдуе сухая пора, безъ дождя. Рѣдко коли поросситъ дождикъ, и то найчастѣйше въ ночи. Въ такôмъ климатѣ и травы на травнистой степи не ростутъ такіи якъ у насъ, широколистыи, сочнстыи, а бôльше узколистыи и меньше воднистыи. Такіи травы выглядаютъ даже худо, и ничого сразу такъ не удивляло моего сопутника, якъ то, що череды скота на тѣхъ травахъ такъ толсты и опасены. Дѣло въ тôмъ, що травы солодкіи, а що меньше воднистыи, то за то о стôлько поживнѣйшіи. Отже-жь, якъ зайде сухая пора на такіи травы, стаютъ они сѣномъ на пнѣ и, коли имеся ихъ огонь, хотя бы ôтъ кинениого сѣрника, такъ запаляются якъ солома и огонь иде свѣтами. Встрѣтитъ стырту въ полѣ — спалитъ, хату спалитъ и лѣсъ ôтъ того огня займасся; для того-то въ цѣлой Канадѣ такъ часто встрѣчаются старища лѣса. На преріи ôтростаютъ по огнѣ лишь тѣ дерева, которыи пускаютъ изъ кореня, якъ: осика и розличныи роды канадійскихъ тополь.

Твердого, матерьялового дерева въ Канадѣ такъ якъ не ма, съ изъятіемъ карловатыхъ приземистыхъ дубôвъ въ Манитобѣ и такъ зовимого тамарака, или по нашому модрины (модеревъ), дерева такой грубости, що выстануть на побудованіе хаты изъ кругляковъ, т. зов. „блоковой,“ и такую-то хату всѣ колонисты сразу будуютъ.

По вернемся еще до огня. Пôздною осенью, коли травы уже дуже высохли, жене иногда огонь съ такою скоростію, що годѣ утечи и конемъ. У-

видѣвши вдали сближающіися лавою туманы дыма, подорожный чѣмъ скорше выпаляе вокругъ себе травы, щобы стати на выгорѣлôмъ мѣстцѣ. Гураганъ огня перелетитъ тогда около него, не сдѣлавши ніякой шкоды. Ѣдучи пôзднымъ лѣтомъ черезъ преріи, чи то въ Канадѣ, чи на западѣ Соединенныхъ Штатôвъ, чи въ Сибири, увидите часто на небосклонѣ дымы ôтъ преріиныхъ огней.

Такій огонь я видѣлъ близко въ южнôй Манитобѣ, ѣдучи оглядати земли, нетронутыи еще плугомъ, а закупленныи для дальшой роспродажи однымъ канадійскимъ банкомъ. Была то рôвнина, поросшая розличными корчиками, якъ: дрôбною лозинкою и иными. Цѣлое время ѣзды видѣлъ я дымъ, но все казалось минѣ, що то дуже далеко. Въ тôмъ неожиданно изъ-посередъ дыма и непрозрачной атмосферы показался на цѣлой линіи поломѣнь, возникающій ту и тамъ, а до нашихъ ушей дôйшолъ грôмъ палящихся корчикôвъ. — Совсѣмъ якъ бы посувалась на насъ тиральерска линія, идущая лавою на непріятеля! Тѣмъ разомъ небезпеченства не было, бо о той порѣ, въ другой половинѣ сентября, травы еще не были довольно сухіи и мы, завернувши кони могли спокôйно уѣхати.

По такôмъ огнѣ земля покрыта чорнымъ попеломъ. На такъ удобренной землѣ травы и всякая рослинность ôтрастаютъ съ великою скоростію, а съ каждымъ новымъ пожаромъ земля стае плодотворнѣйшою, на верху земли наростае верства чернoземли, мѣстцами переходящая, ажь въ дво- или трицалевую верству, якъ бы торфа, словомъ: земля выглядае якъ самъ перегнôй. Скôлько то добра принесли тѣ огни! Они очистили пôдъ плугъ неизмѣрныи просторы земли, которая давнѣйше была пôдъ лѣсомъ, бо на дрôбныи корчики, якіи все-

гда остаются по лѣсѣ, американскій фармеръ (господарь) совсѣмъ не смотритъ и своимъ плугомъ покладае прерію разомъ съ корчиками. Що правда, тѣ огни и пакости фармерамъ нераз причиняютъ. Уже вспоминалъ я, що и стирта иногда ôтъ нихъ сгоритъ; но то уже свѣдчитъ о нерадѣнію фармера, бо выстане обвести стырту двома-трема скибами въ ôтстояню кôлькадесяти крокôвъ разъ и другій, выпалити траву межи обома скибами и уже огонь задержится. Вотъ, одной нашой фармерцѣ изъ пôдъ Перегинска сталось такое приключеніе: Коли увидѣла огонь, такъ ôтъ страха повыкидала всѣ подушки изъ хаты на траву, ну, и подушки сгорѣли, а хата осталась, ибо вокругъ хаты трава была вытоптана...

Земля и климатъ Канады.

Всѣ о тôмъ знаютъ, що есть краи теплѣйшіи и холоднѣйшіи; есть такіи, гдѣ цѣлыми мѣсяцами безпрестанно падае дождь, и такіи, гдѣ весь годъ ни одна капля не оросить земли, — словомъ, що бываютъ розличныи климаты. Но буде новинкою для читателя сей книжечки, що якость земли зависитъ ôтъ климата, що въ рôжныхъ климатахъ творятся розличныи земли. Чи въ Канадѣ, чи гдѣ индѣ, такихъ самыхъ земель, якъ у насъ, не найдете, и цѣлое досвѣдченье въ управѣ нашихъ глинъ и глинокъ, пôдмокшихъ земель и т. д., въ Канадѣ до ничого не придастся, бо тамъ по-просту совсѣмъ иныи земли. Треба ажъ пытати давнѣйшихъ осадникôвъ, якъ тамъ слѣдуе землю управляти и ведля того слѣпо поступати. Упертыи мудрецы, которыи конечно хотятъ по своему розуму поступати,

дорого платятъ за то стратами. Въ такихъ сухихъ климатахъ, якъ въ плодотворной части Канады, творится при вѣтреню земли мало глины, а вслѣдствіе того тамошніи земли по бôльшой части легкіи, пѣсковатыи, мѣстцами даже грузоватыи. Увидѣвши такую землю, мы на пôдставѣ нашого опыта сказали бы, що она муситъ быти пуста, будь она собѣ и чôрна. Сразу не помѣстится нашому осаднику въ головѣ, съ-ôтки на той земли родятся картофли невидѣнной у насъ величины, или пшеницы до кôльканадцати корцêвъ изъ морга! Дѣло въ тôмъ, що пѣсокъ тутъ совсѣмъ иный, якъ у насъ, не яловый (кварцовый), но скальный, крушѣющій и вѣтрѣющій, богатый въ кормы рослинныи. Въ самой Манитобѣ земля тяжкая, а мѣстцами такъ плодородная, що по двадцати-лѣтнêмъ сѣянью пшеницы по пшеницѣ годъ въ годъ безъ гною, а напротивъ при паленью всей соломы ежегодно послѣ ея вымолоченья, еще теперь въ добрый годъ легко уродится 15 корцêвъ на морзѣ. Тая плодородность не удивительна, ибо цѣлая Манитоба была колись, якъ доказали ученыи, величезнимъ озеромъ, отже-жь плоды на ея земли родятся якъ бы на ставищѣ. Въ сѣверной Манитобѣ есть кромѣ доброй земли, также много мѣстцъ мокрыхъ, млаковатыхъ.

Ѣдучи желѣзною дорогою на западъ ôтъ Манитобы, встрѣчаемъ окрестность пустѣйшую и сухшую, въ которой труднѣйше о воду и гдѣ вообще непорадно осѣдати. Тамъ не рѣдко можно увидѣти озера, которыхъ береги покрыты широкою полосою солей, которыи полыскуютъ до солнца, якъ бы снѣгъ на нихъ былъ. Вода въ тѣхъ озерахъ лугова (алькалична), солона и не придатна ни до питья, ни до варенья. Часто случается, що осадникъ,

выбираючися на свою руку, встрѣтитъ такую именно окрестность и осяде въ ней. Гôрка его година на такôмъ мѣстцѣ, ибо тамъ рѣдко коли упаде стôлько дождя, щобы былъ хорошій сбôръ сбôжа! Такъ передъ шести лѣтами осѣло тутъ сѣмдесять кôлька швабскихъ родинъ изъ Галичины и, сидячи два лѣта, не видѣли урожая. Що были у нихъ запасы въ грошахъ, то протратили и тогда нашли собѣ иное мѣстце, именно въ сѣверной Альбертѣ, гдѣ до четырехъ лѣтъ не лишь всякіи страты ôтбили, но такъ хорошо загосподаровались, що теперь съ гордостію хвалятся, що не мѣнялись бы съ галицкимъ помѣщикомъ.

Вообще, добрая земля тягнеся черезъ цѣлую Манитобу, дальше лугомъ по-надъ рѣкою Саскачеваномъ до Альберты, а съ-ôттамъ вздолжь горъ Скалистыхъ на югъ.

Найлучше осѣдати надъ рѣками, потоками и бôльшими озерами, у которыхъ есть якій доплывъ, и тамъ, гдѣ живѣйшій поростъ деревъ и лѣски указують на волгкость въ воздусѣ. Найгôрше поселятись надъ озерками безъ доплыва, бо такіи озерка и вообще земля наоколо алькаличиа (лугова).

Въ цѣлой Канадѣ зима дуже острая, острѣйшая, чѣмъ у насъ; она и тревае долше. По поводу такой зимы озимина не удаеся; выходитъ она вправдѣ изъ зимы, по крайней мѣрѣ въ сѣверной Альбертѣ (гдѣ зима найлагôднѣйшая), но ярое сбôже о много лучшое. Для того озимины тамъ не сѣють. Знаменитая тамошняя пшеница, высоко цѣненная на англійскихъ торгахъ, есть ярою пшеницею. Жито, которое тамъ тôлько нѣмцы и наши, и то лишь въ первыхъ лѣтахъ сѣють, также ярое. У нашого колониста, Антона Пайча изъ Небылова, видѣли мы нивку такого ярого жита. Солома выше

хлопа, колосъ въ колосъ сѣмь палей долгій. Для такой ярины не жалуютъ за озиминою.

Но вотъ що изъ всего найбôльше може обезохотити до Канады, то фактъ, що тамъ случаются ночами въ мѣсяцѣ августѣ приморозки, и то въ порѣ, коли еще пшеница не дозрѣла; а треба знати, що тамъ пôзднѣйше надходитъ весна и пôзднѣйше вслѣдствіе того дозрѣвае збôже. Въ Манитобѣ за послѣднихъ 20 лѣтъ было такихъ четыре лѣта, въ которыхъ пшеница и картофли дôзнали поважнѣйшой шкоды ôтъ морозу; въ Альбертѣ и въ другихъ провинціяхъ, на низко положенныхъ мѣстцахъ, бывае такое еще частѣйше. Пробку смерзлой пшеницы изъ 1891 года, коли былъ сильнѣйшій морозъ, привêзъ я съ собою; пшеница якъ пшеница, лишь худѣйшая и темнѣйшая, а мука изъ ней мае быти солодкавая и купцы, розумѣеся, сейчасъ обнижаютъ значительно цѣну.

Гичка картофель меньше или бôльше почорнѣе ôтъ приморозка, но та шкода выглядае далеко гôрше, чѣмъ есть въ дѣйствительности, ибо о той порѣ картофли уже такъ великіи, що мы бы тутъ были совсѣмъ довольны, если бы у насъ всегда такіе были. Ôтъ такого приморозка розумѣеся мерзне лишь пать (гичка), а картофли самыи совсѣмъ не терпятъ.

Если розважимъ, що тамъ картофля совсѣмъ не гніе, по крайней мѣрѣ до теперь, а и на пшеницѣ невидно ржи, то выходитъ, що у насъ тутъ есть свои бѣды, а у канадійцêвъ свои; но ихъ бѣды представляются намъ страшнѣйшими, такъ якъ мы до нихъ не привыкли.

Вслѣдствіе тѣхъ приморозкôвъ, огôрки, фасоля рѣдко коли доходятъ, за то табакъ, который каждому вôльно сѣяти, дивнымъ дивомъ и лучше

держится, чѣмъ картофли. Садôвъ въ Канадѣ нѣтъ и вѣроятно николи не буде, бо климатъ тутъ за острый и пчолы, по поводу надто долгой зимы, не приносили бы такого пожитку, якъ у насъ.

А теперь по тôмъ всêмъ скажу тутъ вамъ, що изъ всѣхъ краêвъ, до которыхъ стôитъ ити на поселеніе, найскорше еще можно нашому человѣку розбогатѣти въ Канадѣ, значитъ: если Канада мае стôлько злыхъ сторонъ, то подумайте, якій „рай" Васъ жде гдѣ-индѣ! Такого рая, щобы оплатилось тутъ отцêвскую землю полударомъ продавати, нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ....

*
* *

Разъ одна дѣвчина хотѣла конечно выйти замужъ, но никто не попадался ей, лишь одинъ пьяница и злодѣй. Она чувствовала, що неладно за такого ити, однако, съ другой стороны, охота ити за-мужъ была сильнѣйшою надъ все. Такъ она ходила радитись по людяхъ и до каждого лебедѣла: „Сватоньку, радьте мнѣ, радьте щиро, лишь не отраджуйте!"

Такъ оно и съ нашими людьми... До той поры ходятъ и радятся всѣхъ, пока не встрѣтятъ якого жидка или агента, который имъ вымалюе рай за моремъ, що авось тамъ въ Бразиліи малпы за людей робятъ, що въ Канадѣ 50 корцêвъ пшеницы на морзѣ родится, или такое другое... Такой вѣсти наши люди вѣрятъ, а жидки затираютъ руки, що мужикъ съ дуру грунтъ ему полударомъ продасть! Ой, нѣтъ щô въ свѣтѣ дѣлати такому, который знае позбытись грунта за безцѣнъ!....

Подѣлъ земли въ Канадѣ.

Всѣ земли въ Канадѣ, которыи могутъ быти въ близкой будущности заняты колонистами, уже вымѣрены и означены нумерами. Англійская миля въ квадратъ, т. е. 640 акрôвъ, или по нашому 450 моргôвъ, составляе одну секцію (section, вымовляеся секшёнъ). Тридцать шѣсть такихъ секцій становятъ одинъ „тавншипъ" (township), вотъ такъ, якъ бы у насъ повѣтъ. А одна четвертая часть секціи, т. е. 160 акрôвъ, или 113 моргôвъ, становитъ одно господарство „фарму."

Гдѣ грунтъ еще незанятый, — тамъ дае правительство канадійское на каждую родину по 160 акрôвъ даромъ, и такая даровая фарма называеся „гомстидъ" (free homestead). Если въ родинѣ есть старшіи сыны выше 18 лѣтъ, то каждый изъ нихъ получае свою фарму.

За номѣръ, росходы записанья и т. д платися на вступѣ 25 реньскихъ, или на тамошніи грошн 10 доларôвъ.

Каждый мае право самъ собѣ выбирати изъ по-межь вôльныхъ фармъ, которая ему найлучше подобаеся. Коли кôлькохъ наразъ соберeся, то урядникъ ôтъ мѣстцевого земельного уряда, „Лендъ офисъ" (Land office), обовязанъ даромъ показати каждому границы фармы, которую кто собѣ выбралъ.

При помощи мапы и паликôвъ, указующихъ нумеръ „тавншипа" и секціи, а которыи по угламъ каждой секціи находятся, можно свѣдомому ôтнайти, якими нумерами означена выбранная фарма, а съ тѣмъ идеся до „Лендъ офисъ" и записуеся на ту фарму.

Въ заселенныхъ околицахъ колонисты, уже осѣвшіи, укажутъ нумеръ фармы, бо и такъ деревянныи палики съ нумерами часто сгоряютъ, а желѣзныхъ трудно отыскати среди травы.

Патентъ на власность занятой фармы получае колонистъ по трехъ лѣтахъ засиженья, но ôнъ долженъ за то время выбудовати для себе якую-нибудь хату, сидѣти на своей фармѣ по крайнѣй мѣрѣ шесть мѣсяцѣвъ въ году и заорати отвѣтный просторъ земли. Коли у колониста есть въ рукахъ патентъ на власность, то вôльно ему и продати свою землю.

Если на „гометидѣ" колониста нѣтъ дерева, получае ôнъ въ земельнôмъ урядѣ позволенье (permit), вытяти собѣ изъ правительственной незанятой земли на будôвлю и на топливо стôлько дерева, скôлько ему треба. За то позволенье складаеся таксу 25 американскихъ центôвъ (= около 60 кр.). Пасти и косити сѣно на незанятой земли вôльно каждому и всѣ осадники изъ того корыстаютъ. Нѣмцы Кребсы изъ Кривули близъ Бѣльча-Волицы, осѣвшіи пôдъ мѣсточкомъ Саскачеванъ, заробили въ минувшôмъ году 700 долярôвъ (=1700 зр.) за сѣно, доставленное для кôнной жандармеріи, — а все то сѣно было изъ вôльной земли.

Полёвати свободно тутъ каждому, однако строго караеся, если кто полюе въ запрещенной порѣ, т. е. коли звѣрята выводятся. Рыбу также каждому вôльно ловити.

Податкôвъ ни грунтовыхъ, ни домовыхъ, ни вообще ніякихъ безпосереднихъ не ма въ Канадѣ совсѣмъ. Одинъ податокъ — що на школу. Доходы державы опираются лишь на пошлинахъ (цлахъ), а и то предметы загального употребленья, якъ: кава и гербата, не пôдлягаютъ пошлинѣ и для того

*

дешовы. При такôмъ устройствѣ, у кого есть меньше потребъ купувати розличныи заграничныи предметы, тотъ тѣмъ самымъ платитъ меньше податка.

Тютюнъ вôльно каждому управляти и наши нѣмцы по-немного садятъ его, однако лишь старыи купятъ сей тютюнъ, бо паробки оглядаются уже за чѣмь-то лучшимъ. Обовязка войсковой службы въ Канадѣ не ма; одробина войска, що тамъ есть, то все состоитъ изъ охотниковъ.

Люди осѣдаютъ каждый отдѣльно на своей фармѣ, четверть мили или и бôльше одинъ ôтъ другого ôтдаленный. Фармы по правилу обведены цѣлыи доокола фенсами, т. е. оринами изъ осичины, а то для того, щобы скотина не пôшла свѣтами Дуже часто случаеся встрѣтити фармера на кони, якъ уганяеся по околицѣ и допытуеся за кôньми, которыи ему утекли изъ его фармы.

На цѣлую западную Канаду осѣли селами лишь нѣмцы-менониты въ южной Манитобѣ. У нихъ есть даже вспôльное громадское пасовище и единственный въ Канадѣ громадскій пастухъ. Ту высокую должность исполняе ôтъ кôлькохъ лѣтъ одинъ бойко изъ Небылова, но въ пору, коли я тамъ былъ, жена его пасла громадскій скотъ, а ôнъ самъ зароблялъ при паровой молотильнѣ. У него есть уже ôтложенныхъ въ банку пару сотъ доларôвъ.

Желѣзницы, банки, спекуляціи землею.

Черезъ цѣлую Канаду, ôтъ Атлантика до Пацифика, переходитъ одна желѣзно-дорожная линія, зовимая звычайно Си Пи-Я (C. P. R.), власность одной, дуже вліятельной въ Канадѣ компаніи.

Отъ той желѣзной дороги росходятся розличныя вѣтви (отноги), которыи майже всѣ находятся въ рукахъ Си-Пи-Я. Густая сѣть желѣзныхъ дорогъ есть въ южной Манитобѣ, дальше на западъ есть три головныи вѣтви, одна изъ Портиджъ (Portage) до Іорктонъ, а буде продолжена до Принцъ-Альбертъ, другая изъ Реджайне (Regina) до Принцъ-Альбертъ, а третья изъ Кальгари до Эдмонтонъ.

Въ Америцѣ желѣзныи дороги будуются даже въ сторонахъ, совсѣмъ незаселенныхъ, и для того правительство мусить компаніи отступити грунты вздолжь желѣзницы на власность. Ведля правила, половина грунтôвъ, то значитъ, каждая непаристая секція въ полосѣ около 5 миль по обохъ сторонахъ желѣзницы, належитъ до желѣзно-дорожной компаніи а всѣ паристыя секціи належатъ до правительства и могутъ быти ôтданы осадникамъ даромъ. Тѣмчасомъ компанія выбирае собѣ грунты, и такъ мѣсцами при самой желѣзницѣ лишае весь грунтъ правительству, а мѣстцами, даже до 8 миль нашихъ, забирае для себе всѣ, непаристо нумерованныи секціи. Си-Пи-Я продае всѣ свои грунты по найбôльшой части по 3 доляры за акръ, въ кускахъ по 160 акрôвъ. Цѣну купна роскладаютъ на сплату на десять лѣтъ, такъ що лишь одну десятую часть належитости треба сложити съ горы. Процента числятъ собѣ 6 ôтъ ста. За особливо добрыи грунты требуе желѣзно-дорожная компанія по 3 доляры 50 центôвъ, по 4, а даже по 5 долярôвъ за акръ.

Вообще, уже изъ мапы подѣла краю можно узнати, гдѣ есть бôльшіи просторы доброй земли близъ желѣзной дороги, бо тамъ навѣрно лежатъ масою секціи, червоно значенныи, то есть належащіи до компаніи. Каждая околица мае свою мапу,

которую можно получити въ „Лендъ офисъ.“ а въ той мапѣ означено, которыи секціи належатъ до желѣзно-дорожной компаніи, а которыи до правительства, которыи еще вôльны, а которыи уже заняты, по чому продаются и т. д.

Было время (уже лѣтъ тому съ десять), коли спекулянты сильно кинулись куповати въ Канадѣ землю, числячи на то, що ôтпродадутъ ю по значительно высшихъ цѣнахъ. Такимъ способомъ цѣлая южная Манитоба, окрестность съ найлучшою землею, густо поперерѣзованная желѣзницами и близкая до свѣтовыхъ торговъ сбôжемъ, якъ: Дулюфъ (Duluth), Чикаго, Портъ-Артуръ, выкуплена спекулянтами. Помимо того тамъ едва може третья часть земли есть въ управѣ, а решта еще и плугомъ не рушена... Однако спекулянты обманулись въ своихъ надѣяхъ; колонисты волѣли идти дальше на вôльныи земли, а если которому приходилось куповати, то куповалъ одну фарму у желѣзно-дорожной компаніи, а другую побôчь бралъ даромъ ôтъ правительства. Спекулянты же, посѣдаючи землю въ околицахъ, уже заселенныхъ, потягаются до оплаты податкôвъ на школы, значитъ, на разѣ, вмѣсто надѣянного взыска, маютъ страту. Для того цѣна земли въ южной Манитобѣ осталась низкая, и за 4, 5, рѣдко коли бôльше доллярôвъ за акръ, можно купити знаменитую землю. Но вôльныхъ грунтôвъ въ полудневôй Манитобѣ уже не ма.

Вообще слѣдуе сказати, що въ лучшихъ околицахъ поодинокіи даровыи фармы можно бы еще найти и близко желѣзницы, щобы однако найти бôльшое число вôльныхъ фармъ, треба ôтсадитись ôтъ желѣзно-дорожныхъ линій на якихъ четырепять миль. Найлучше осѣдати вздолжь линій тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, которыи маютъ быти въ близ-

кой будущности побудованы. И такъ, въ Манитобѣ мае изъ Виннипеста пойти желѣзница на сѣверъ до Гудзонского залива, черезъ околицу надъ озеромъ Дофинъ (Лейкъ Dauphin). Въ тамтой околицѣ земля дуже добрая и есть тамъ еще довольно много вольныхъ даровыхъ фармъ. Одна часть осадниковъ могла бы свернутись тамтуда. Теперь нашихъ въ той околицѣ не ма. Первыи осадники лучше сдѣлаютъ, если будутъ держатись близъ давнѣйшихъ нашихъ осадъ, или по крайней мѣрѣ близъ галицкихъ нѣмцêвъ, которыхъ есть уже въ Канадѣ дуже много.

Канада, якъ и всѣ англійскіи посѣлости, засôбна въ гроши — и о пожичку тамъ не трудно. Тамъ фармеръ скорше долженъ дбати, щобы забмного долгôвъ не брати на свою голову, чѣмъ журитись о пожичку. Въ каждôмъ „мѣсточку," въ которôмъ есть двадцать домôвъ, навѣрно найдете, кромѣ кôлькохъ гостинницъ и школы, кôлька церквей, а каждая иного вѣроисповѣданія, и по крайней мѣрѣ три заступничества банкôвъ, — такое тутъ великое множество компаній капиталистичныхъ, выпожичающихъ людямъ гроши! Фармеру накидаются съ кредитомъ также и въ другихъ формахъ. Фабрики машинъ даютъ всѣ головныи машины на выплату, числячи за то собѣ, розумѣеся, солоный процентъ. Такій легкій кредитъ привêлъ уже не одного фармера до руины. Еще мало що заоралъ и мало що мае сбирати, а уже набралъ на кредитъ и жниварку съ прирядомъ до вязанья снопôвъ, и сѣвачку, и молотильню, а все для того, що соѣды маютъ, а ôнъ не хотѣлъ бы бѣднѣйшимъ выглядати якъ другіи; набралъ на кредитъ много, а тутъ нѣтъ изъ чего платити, бо еще и не загосподаровался!...

Пôдъ тѣмъ взглядомъ наши осадники, которыи уже ôтъ четырехъ лѣтъ въ Канадѣ, показались огляднѣйшими. Машинъ не берутъ на кредитъ, лишь нанимаютъ себѣ ôтъ сосѣдôвъ-нѣмцêвъ, платячи то за день, то ôтъ акра. Были бы они однако нерозумными, если бы не постарались теперь о машины, коли уже у нихъ присбиралось на-стôлько гроша, щобы собѣ купити ту или другую машину. У кого есть машины, тотъ скорше розвивае свое господарство и скорше богатѣе. Нѣкоторыи нѣмцы маючи четыре лѣта добрыи урожаи, при помощи машинъ, взятыхъ на кредитъ, докупили собѣ уже по другой фармѣ, а наши въ той самой околицѣ остались на одной. Якъ бы оно было съ тѣми нѣмцами, если бы мали лѣта неурожайныи, — то другое дѣло.

Если наши люди въ Канадѣ заложатъ руки, перестануть стремѣти до лучшого и не пріобрѣвши собѣ якіи-такіи средства до жизни, то останутся послѣдними въ новôмъ краю, такъ само, якъ были послѣдними въ краю старôмъ, въ своемъ отечествѣ.

Въ Виннипегу.

Въ Виннипегу каждый колонистъ мусить рѣшитись, въ которую сторону мае удатись. Дуже часто родина лишаєся въ домѣ эмиграційнôмъ, а отецъ ѣде глядати отвѣтного для себе мѣстца. На такое гляданье можно даже получити вôльный билетъ на желѣзной дорозѣ, но що тутъ росходится о сотки миль, то все же подорожь коштовна, бо тамъ по мѣстахъ не ма ни шинкôвъ такихъ, ни тракгіерней, гдѣ бы можно дешево попоѣсти. Есть тôлько готели съ ѣдальною салею, въ которыхъ однакожь треба умѣти по „пански“ себе вести. Для

колониста властивыи этапы суть домы эмиграційныи, находящіися на каждой бôльшой желѣзно-дорожной стаціи и — свôй грунтъ.

Въ Виннипегу живе до десяти русскихъ родивъ, по найбôльшой части изъ Небылова, гдѣ-якіи уже тамъ три или четыре лѣта, и побудовали собѣ тамъ даже домы. Урядникъ эмиграційного дома знае указати мѣстце, гдѣ они пребываютъ. У тѣхъ русинôвъ могли бы наши люди по пріѣздѣ гдѣ-що провѣдати. Ведеся имъ тамъ несогбрше; одни заробляютъ гроши, щобы могли пôйти на фарму, а другіи засмаковали уже въ мѣстскôмъ житью и остаются въ Виннипегу. Состоянье ихъ добытка ведля того, якъ представляли моему товарищу Дорундяку, слѣдующое:

1) Василь Яцевъ пріишолъ въ 1892 г., маючи въ кармани 40 долярôвъ. (Доляръ =2½ зр.) Теперь мае хату въ Виннипетѣ вартости 65 долярôвъ, двѣ коровы и 120 долярôвъ въ касѣ. Въ минувшôмъ году сложилъ уже 200 долярôвъ, но вôйшолъ съ жидемъ въ спôлку до якогось интереса и, натурально, гроши его — пропали.

2) Юрко Палѣщакъ пріѣхалъ безъ цента, теперь мае хату вартости 200 долярôвъ, корову и 120 дол. въ касѣ.

3) Гнатъ Гмитришинъ, Лучка Кульчицкій, Иванъ Барскій, всѣ изъ 1895 г., маютъ по 70 дол. въ касѣ.

4) Юрко Рожко изъ 1894 г. мае также 70 долярôвъ.

5) Дмитро Вѣдимовичъ, изъ 1893 г., пріишолъ съ 40 долярами, теперь мае 400 дол.

6) Юрко Пайчъ нбелалъ до дому 120 дол.

На-скôлько правдивы тѣ цифры, не можно провѣрити, всегда однако треба числитись съ

тѣмъ, що каждый вообще похвалятся бôльшимъ мастком, якъ дѣйствительно мае.

Впрочемъ въ Канадѣ на заробокъ можно числити тôлько въ лѣтѣ, въ зимѣ о него дуже трудно.

Въ Виннипегу колонистъ мусить призадуматись, чи не купити тутъ гдѣ-що изъ тѣхъ предметôвъ, которыхъ потребуе на господарство. Виннипегъ — мѣсто такъ великое, якъ Краковъ, и близшое свѣта, для того всякіи предметы дешевши тутъ, чѣмъ на далекôмъ Западѣ. Впрочемъ уже дальше на Западѣ великихъ мѣстъ не ма, а купцы дерутъ изъ шкôры.

Первымъ снарядомъ, которымъ колонистъ запастись мусить, есть желѣзная кухня на четырехъ ногахъ, съ рурою, выходящою просто черезъ стелю хаты на дворъ. Кухня такая бывае въ розличныхъ цѣнахъ; свычайно треба дати за ню кôльканадцать доляровъ. Кухоннын и дрôбнѣйшіи господарскіи снаряды, якъ: сокиру, мотыку, рыскаль и т. д., можно также купити въ Виннипегу, бо тамъ уже транспортъ такихъ рѣчей ничого не коштуе. Надаеся все то до пакункового вагона, съ поданьемъ назвы стаціи и призначенья, и дальше не ма що пакункомъ журитись. Противно, кто не знае языка, тотъ тамъ, гдѣ потреба пересѣдатись изъ одного поѣзда на другій, лишь дивится, що съ его пакункомъ дѣлаютъ; куда пакунокъ, туда и онъ. Въ Америцѣ не звонятъ, не выкликуютъ до трехъ разôвъ, коли поѣздъ мае рушити, лишь на хвилинку передъ отъѣздомъ кондукторъ крикне „о-бордъ," и совсѣмъ не журится, чи пасажиры сѣдаютъ, чи нѣтъ. Каждый мае розумъ, — нехай же дбае о себѣ... Свычайно, коли поѣздъ уже на полнôмъ ходу, пасажиры изъ плятформы передъ стаціею вскакуютъ до вагонôвъ.

Вертаючи до снарядôвъ, не ма що того забирати изъ Европы, бо на европейскихъ желѣзницахъ бôльше бы прийшлось за то заплатити, якъ оно варто. Вообще, на европейскихъ желѣзницахъ треба якъ найбôльше брати съ собою до вагону, бо наданье до пакункового вагона много коштуе. На кораблѣ уже не такъ дуже наглядають за тѣмъ, скôлько кто пакункôвъ везе; ведля приписа, вôльно на одного взяти пачку, 2½ стопы долгую, 2 стопы широкую, а 2 стопы высокую. Та и снаряды тамъ цѣлкомъ иныи. якъ у насъ; даже такая сокира не проста, а пристосована до руки, съ долгимъ, выгнутымъ топорищемъ, а сама въ формѣ широкого клина. Якъ попробуете два разы такой сокиры, то съ дива не можете выйти, якъ мы тутъ за парусотъ лѣтъ даже формы сокиры и топорища не успѣли улучшити!...

Що-до убранья, то одêжь и бѣлье мусятъ бути „пан кін," а що кто изъ того хоче собѣ купити, то треба таки тутъ купити, бо тамъ дорожше. За то добрыхъ кожухôвъ, а хотябы и порядочнѣйшой свиты, не завадитъ взяти съ собою ажь на фарму, бо тамъ въ разѣ зимна добре придаеся. Однако и будучи уже на фармѣ, треба держатись на рôвнѣ съ другими, щобы не податися въ смѣхъ и презрѣнье. Не говорю того на вѣтеръ, а съ опыта. Въ Канадѣ свобôдно нашимъ стати поручъ съ иными якъ рôвный съ рôвнымъ, а они запустилисъ и въ одêжи и въ чистотѣ, що выглядають гôрше якъ индіяне. А якого уже стыда (и шкоды таки, бо вслѣдствіе того не конче рады нашимъ эмигрантамъ) надѣлали намъ наши бойки, которыи сей весны пôшли до Канады, о тôмъ ажь непріятно сгадати. Представьте себѣ людей, покрытыхъ пятнами нечарности по цѣлôмъ тѣлѣ, скро-

бающихся безустанно, немытыхъ уже бтъ кôлькохъ недѣль и въ такôмъ бѣлью, которое будутъ хиба до сихъ поръ носити, пока оно цѣлкомъ не облетить! На дѣтяхъ нечистыи стряпки вмѣсто сорочки, а бабы таки совсѣмъ безъ сорочки, въ якôмсь сурдутѣ, розôпнятôмъ съ переду...

— Бôйтеся Бога, якъ вы могли такъ опуститись? крикнулъ я, зайшовши на обыстье такого руского колониста.

— Та що? говоритъ баба, тутъ не ма до кого убиратись...

А тутъ наоколо нихъ колоніи нѣмцêвъ изъ Галичины... Ажь тогда я понялъ, для чого тамошніи люди строили якійсь дивныи мины, коли я допытовался о русскихъ колонистôвъ... А межь тѣмъ у тѣхъ людей прекрасныи виды на добробытъ! Но о тôмъ въ слѣдующôмъ роздѣлѣ.

Подорожь по великôмъ Сѣверо-Западѣ.

(Ассинибоя, Альберта, Саскачеванъ.)

— Сѣдаемъ на поѣздъ Си-Пи-Я, который иде на западъ до Скалистыхъ горъ, а дальше ажь до Тихого Океана. Якъ долго ѣдемъ черезъ Манитобу, сдаеся намъ, що рôвнины еи не мутитъ ніякій, хотябы найменьшій горбочокъ. Передъ нашими очами мѣняются то пролѣски изъ малыхъ дубôвъ, березъ, осикъ, то розлеглыи сѣножати, немного млаковатыи, о рôвной одностайной травѣ, которую косятъ машинами-косярками. Всюда чорноземъ. Мѣстцами, якъ въ Портейдже ля Прери (Portage la Prairie) и въ Брендонъ (Brandon), особливо въ околицѣ Брендонъ, вытворились осередки управы пшеницы. Земля тамъ на дивъ урожайная.

На розлогихъ поляхъ идутъ машины жниварки, рядомъ одна за другою, жнутъ и сейчасъ вяжутъ рôвную, простую, прекрасную пшеницу... Машиною при трехъ коняхъ и однôмъ человѣцѣ умѣютъ сжати и связати около 14 акрôвъ (акръ — двѣ третины морга). Машина за готôвку коштуе около 150 долярôвъ, на раты 170, а даже 190 долярôвъ; робôтникъ, на машинѣ сидящій, который лишь кони провадитъ, заробляе нерѣдко 2 доляры, т. е. 5 реньскихъ на день; а помимо того, якъ цѣлая Канада, серпа ни косы никто не употребляе, бо то была бы за дорогая робота! У кого нѣтъ машины, тотъ нанимае ю ôтъ сосѣдôвъ и платитъ 50 до 75 американскихъ центôвъ за выжатье и связанье одного акра. Ту самую роботу сдѣлати руками коштовало бы 10 разôвъ бôльше. То такъ очевидно, що не лишь нѣмцы, но даже наши ôтъ разу приходятъ до пересвѣдченья, що ихъ серпъ и коса тутъ ни при чѣмъ, хиба для якойсь забавки, и наши також ôтъ первого разу вынаймаютъ машины.

Машину не потягнутъ якiи-нибудь харлаки, лишь добрыи кони... Отже-жь снова въ цѣлой Канадѣ у каждого фармера не такiи кони, якъ у нашихъ мужикôвъ, ни такiи даже, якъ у нашихъ швабôвъ, а долго пришлось бы глядати такого двора, у которого бы были такiи кони, якъ у фармера въ Канадѣ! При машинѣ не выстанутъ нортяныи шлеи, лишь потребны сильныи хомуты. Съ такими кôньми и упряжью треба знати обходитись, такъ само, якъ съ господарскими машинами, бо кто того не знае, той во тамошнёму цѣлкомъ не понимае нiякой господарской роботы. Умѣти робити серпомъ, косою, цѣпомъ — тамъ не мае нiякого значенья, ни смысла, бо тамъ господарства съ тѣми прирядами провадити не можно. Одинокая

умѣстность, изъ-за которой нашъ мужикъ мôгъ бы уходити тамъ за знающогося немного на господарскôмъ дѣлѣ, есть оранье, но и то не совсѣмъ, бо тамъ свычайно орютъ плугами безъ колесницъ, и такимъ плугомъ успѣе просто й рôвно зъорати прерію (степь), николи плугомъ нерушанную.

Канадійскіи фармеры глядятъ съ удивленіемъ на нашихъ, даже найрозумнѣйшихъ мужикôвъ, и не вѣрятъ, що они коли нибудь на господарствѣ робили, бо по ихъ способахъ наши ніякого господарского дѣла не знаютъ. Запрягчи коня въ портяную шлею, то нашъ человѣкъ потрафитъ, но запрягчи въ тамошнюю упряжь, то уже для него философія, которой ôнъ ніякимъ способомъ поняти не може; поганяти заголодѣлыми галицкими сдохлячками потрафитъ, но поганяти рослыми кôньми — въ ніякій способъ. Нашъ сяде на козелокъ, потупитъ голову, задумаеся глубоко, попуститъ важки, а тамошніи кони, привыкшіи до умѣлой фѣрманской руки, до держанья важокъ остро, сейчасъ же станутъ утѣкати, якъ имъ подобаеся... На каждую машину смотритъ нашъ мужикъ якъ на новыи ворота: обмацуе, обнюхуе, а тутъ треба умѣти нею робити, и то добре робити...

Отже-жь властиво, кто бы собѣ тамъ найскорше еще далъ рады, то двôрскіи фѣрманы, гуменныи, форнали, а свычайный сельскій мужикъ муситъ добре братись, щобы скоро заслужити тамъ на названье господарского робôтника. Кто то ôтъ разу знае, кто тутъ приучится обходитись съ великими, буйными кôньми, и съ панскою упряжью, и съ машинами господарскими, тотъ тамъ много выграе въ виду тѣхъ, которыи идутъ на-слѣпо.

Однако у нашого мужика есть одно свойство, которое въ первыхъ лѣтахъ господарованья стае

сму тутъ дуже въ пригодѣ. Именно бнъ мае такъ маленькіи потребы, такъ потрафитъ чѣмъ-нибудь пережиритись, що може господарство начинати съ дуже маленькою сумою, коли межь тѣмъ каждый иный мусѣлъ бы мати три-четыре разы больше.

Ѣдемо дальше. При каждой желѣзно-дорожной стаціи видимъ дивныи, на кблька поверхбвъ высокіи будынки. Есть то величезныи шпихлѣри, или элевейторы (elevator). Въ такбмъ Брендонѣ цѣлый рядъ ихъ при желѣзницѣ, а въ Портъ-Артурѣ, надъ берегомъ Лейкъ Сепріоръ (Lake superior), гдѣ сбоже изъ желѣзницы переладовуютъ на кораблі, есть элевейторы, побудованныи на больше миліона корцѣвъ сбожа. На помостъ передъ элевейторы заѣзжаютъ фармеры съ мѣшками пшеницы, свычайно сейчасъ изъ-пбдъ машины высыпуютъ пшеницу просто изъ воза въ великій деревянный лійі, гдѣ цѣлый вбзъ пшеницы важится бтъ разу. Фармеръ получае картку, скблько далъ пшеницы, а заприсяжженный урядникъ при элевейторѣ означае, якого рода пшеницу фармеръ доставилъ: чи первого, чи горшого другого, чи иногда ажь третёго. Гроши за свою пшеницу може фармеръ взяти бтъ разу ведля торговой цѣны бтъ компаніи, до которой належатъ элевейторы, а если хоче ждати на лучшую цѣну, бере картку бтъ урядника при элевейторѣ, иде въ первый-лучшій банкъ и получае на ту картку двѣ третьи или три четвертыхъ частей цѣны. Въ элевейторѣ виндуютъ сбоже, силою паровой машины, ажь на самъ верхъ, часами на пятый и шестый поверхъ, а съ бттамъ пускаютъ пшеницу на млынки до чищенья, при чемъ она и перевѣтруеся, закѣмъ сойде ажь на долъ. За пересхованье и чищенье платится чрезвычайно мало, якого тамъ цента на мѣсяцъ или и меньше, бо то

все иде на великій розмѣръ, отже-жь и дешево. Ôтнога тору желѣзной дороги находится при самôмъ элевейторѣ, такъ що просто изъ элевейтора черезъ руру пускаеся пшеницу въ вагонъ, который за кôльканадцать минутъ цѣлый наполнится пшеницею...

Все то иде скоро, дешево и для того не диво, що на англійскій торгъ достарчаеся изъ заморскихъ краêвъ пшеница такъ дешево, що европейскіи рôльники мусятъ банкротовати! Цѣна збôжа безпрестанно еще буде у насъ обнижатись въ мѣру того, якъ чѣмъ разъ бôльшіи просторы новыхъ краêвъ будутъ заорюваны.

На мѣстцѣ, гдѣ теперь стоитъ Брендонъ, городъ съ 5000 жителеми, электричными трамваями и электричнымъ освѣщеніемъ, банками, фабриками, элевейторами и т. д., не было, дванадцать лѣтъ тому ни одной хаты. Такій быстрый возростъ городôвъ въ Соединеныхъ Штатяхъ и въ Канадѣ просто удивительный. Но есть на то еще бôльше поразительныи примѣры. Мѣстце, гдѣ кôнчится линія желѣзной дороги Си-Пи-Я, надъ берегами Тихого Океана, было, 8 лѣтъ тому назадъ, пустынею, поросшою величезными шпильковыми деревами, которыхъ первыи галузи такъ высоко, що каменемъ годѣ докинути. Нынѣ стоитъ тамъ городъ со всякими вымогами цивилизаціи и выше сорокъ тысячъ жителями!

Межъ тѣмъ поѣздъ желѣзной дороги несе насъ дальше. Всюда тутъ еще плодородная, чорноземная околица, придатная пôдъ управу пшеницы. Вблизи стаціи Гринфель (Grenfell), въ ôтстоянью неполна 300 англійскихъ миль ôтъ Виннипега, скуплены бôльшіи осады галицкихъ нѣмцêвъ, колоніи польскіи и рускіи. Осады тѣ находятся уже въ

провинціи Ассинибоя, бо граница Манитоба лежитъ недалеко по-за Брендономъ. Тѣ колоніи посѣтилъ уже въ поворотѣ Дорундякъ, господарь изъ-пôдъ Коломыи, который мнѣ товаришилъ въ подорожи, и що тутъ пишу, вынято изъ его записокъ. А вотъ що записалъ себѣ Дорундякъ:

„Лембергеръ, галицкій нѣмецъ изъ-пôдъ Самбора, былъ сперва 8 лѣтъ въ Россіи, затѣмъ поселился въ Канадѣ. Началъ ôнъ господарство съ 280 долярами. Теперь мае шêсть фармъ по 160 акрôвъ, три даровыи для двохъ сынôвъ, а три докупленныи по англійскихъ фармерахъ, которымъ господарка не вмакъ и утѣкаютъ въ городы. Платилъ за такую фарму по 160 долярôвъ. У него есть уже побудованный новый элегантскій двôрокъ, но ôнъ сидитъ еще въ старой хатѣ. Мае всѣ машины и, — якъ всѣ загосподарованныи уже фармеры, — легонькій повозокъ до выѣзда (богги, buggy). Въ стайняхъ у него 9 коней, 12 коровъ, на оборѣ 3 стирты сѣна, коло хаты буйный лѣсокъ трепетника. При обѣдѣ, якъ свычайно въ Америцѣ, гербата и мясо, и я съ дивомъ смотрѣлъ, якъ ôнъ обрѣзовавъ шкôрку изъ пшеничного хлѣба, а ѣлъ лишь мякишъ. По обѣдѣ я выйшолъ поглянути на орайныи поля; всюда пѣсокъ, шутеръ, даже камêнье, сухіи травы на неораннôмъ, а на диво, всюда буйное збôже на зораннôмъ! Никому бы я не повѣрилъ на слово, якое збôже удаеся на шутрахъ и пѣскахъ, если бы не видѣлъ своими очами! Теперь я пôзналъ, що я немудро судилъ о тѣхъ земляхъ и былъ дуже радъ тому, що тутъ на такое мѣстце попалъ.“ — Все-жь таки для ясности додати треба, що тѣ пѣски — чорноземъ.

Въ той самой колоніи, которую назвали швабы Іозефсбергъ, зайшолъ Дорундякъ до нѣмца Гайне-

мана. У того было, — якъ пише Дорундякъ, — 6 штукъ коней, 18 штукъ рогатого скота, а жӗнка швабә сказала, що тутъ легко о хлѣбъ, куры, масло, мясо, но о цента трудно. Также то прикро на той колоніи, що годѣ попасти на воду въ студияхъ.

У Якоба Отта, нѣмца изъ пôдъ Стрыя, довѣдался Дорундякъ, що тотъ, странствуючи по свѣтѣ, былъ въ Россіи, а потôмъ прійшолъ сюда. Господарить на трехъ фармахъ; одна его, а двѣ сынôвскіи. Надѣялся въ текущôмъ году до двохъ тысячъ бушлей пшеницы. Пшеница, говорилъ Оттъ, такъ тутъ корӗнится, що изъ одного зерна буде и до 35 стебелъ. Я-самъ (пише Дорундякъ) числилъ пôзднѣйше, що было по 34, но было и по 38 стебелъ. Оттъ сѣялъ разъ 28 бушлей пшеницы, родилось 425 бушлей; посѣялъ 100 бушлей, родилось 3500. Десятое зерно уважае онъ за слабый урожай".

Тѣ цифры безъ всякого сомнѣнія правдивы, но представляютъ урожаи исключительно добрыи. А всегда о тôмъ памятати треба, що колонистъ николи о злôмъ урожаѣ не вспоминае, тôлько о добрôмъ.

За Іозефсбергомъ естъ колонія Найдорфъ, изъ самыхъ галицкихъ нѣмцêвъ. Тутъ сидятъ: Якобъ Ульмеръ, Матіясъ Гакъ, Людвикъ Вендель, Лиценбергеръ, Давидгаймеръ и много инныхъ изъ Гасендорфа и изъ Нового села пôдъ Дрогобычемъ, изъ Өсмигенова, изъ Дулибъ коло Стрыя и т. д.

За плечами тѣхъ нѣмцêвъ осѣла русская колонія.

„Матіясъ Гакъ, — пише Доруняк, — попровадилъ мене до Илька Пилипова и его сынôвъ. Старый дѣдусь латалъ якіись черевики. Всѣ они выѣхали въ мѣсяцѣ іюнѣ 1893 г. и мали изъ дома 2500 ренськихъ. Но понеже тогда была въ Гамбурзѣ

холера, то ихъ передержала кôлька недѣль на кварантанѣ, и тамъ розбилось много гроша. Розумѣеся, що въ 1893 г. сѣяти ничого не сѣяли и жили изъ готового гроша. Такъ черезъ нерозумъ гроши марно пôшли... Потôмъ, коли купили волы, то одинъ вôлъ куда-то свѣтами пôшолъ и не было его цѣлый мѣсяцъ. Не было чѣмъ ни орати, ни дерево на хату свозити. Въ минувшôмъ году была малая посуха, въ текущôмъ сновь морозъ, то не доробились ничого. Но они довольны своимъ положеньемъ. У старого есть теперь 26 акрôвъ заораныхъ, а сѣна 22 фѣры, изъ которыхъ бôльшую часть накосилъ старый руками, хотя въ Канадѣ никто такъ не дѣлае. Сынъ его, кривый Тимко, былъ съ фаху боднарь, но тутъ не мае що робити, бо тутъ начинье все бляшанное, а впрочѣмъ и матерьялового дерева не найде. Тимко мае свою фарму, а Федоръ Илькôвъ — снова свою. У Тимка есть 7 акрôвъ пшеницы, 1 акръ брукви, 1 картофель и ¼ акра моркви, а кромѣ того 14 фѣръ сѣна, которыи скосилъ одного дня машиною, заплативши за наемъ пôлтретья доляра. Федоръ служитъ у англичанина и бере пять долярôвъ на тыждень, а дѣвка, Илькова дочка, служитъ за четыре доляры мѣсячно". Отже-жь тутъ и розница межь нашими а чужими. Я надыбалъ въ Манитобѣ одного поляка, правда незвычайного до нiякой роботы, который разомъ съ женою зароблялъ 20 долярôвъ въ мѣсяцъ.

Лучше ведеся родинѣ Павла Шимка, мѣщанина изъ Калуша, который прiѣхалъ сюда въ 1891 г. съ женою и двома братьями жены. Самъ Павло привêзъ съ собою 110 долярôвъ, у Андрея, брата Павлихи, было лишь стôлько, що дорогу за себе заплатилъ; у другого брата, Михася, не было

ничого, и Павло взялъ его на свôй коштъ. Павло ôтъ разу поставилъ собѣ парадный дôмъ съ сѣнями и кухнею, свѣтлицею и коморою, побудовалъ стайню и шпихлѣрь, купилъ двѣ пары волôвъ, пару коней и коровы, а шурины помагали ему, то робили на своихъ фармахъ, то служили по англичанахъ. Еще въ Калушѣ говорилъ Павлу г-нъ Корытовскій, коли Павло задумалъ ѣхати въ Канаду: „Ей, Павле, маешь хлѣбъ тутъ, шануй его, нехай тобѣ не забагаєся булокъ въ Америцѣ, бо будешь и хлѣба жаденъ.“ И бывало Павло, коли сяде до ѣды въ Канадѣ, говоритъ: „Вотъ, таки маю хлѣбъ якъ булку, и дурно страшилъ панъ Корытовскій.“ Шкода тôлько, що не долго тѣшился Павло булочнымъ хлѣбомъ, бо въ минувшôмъ году, коли ѣхалъ буйными кôньми, кони сполошилась, ôнъ упалъ изъ воза, сломилъ каркъ и кôлька реберъ и на другій день померъ. На св. Дмитра похоронили его.

Братъ Андрунь, не маючи жены, ни дѣтей, осѣлъ съ Павловою вдовою, и одно другому помагае. Павлиха мае, кромѣ волôвъ и коровъ (бо кони по смерти мужа замѣняла за волы), до 70 курокъ и пару безрогъ. Высѣяла на весну 46 бушлей пшеницы. Я имъ дорѣкалъ (говоритъ Дорундякъ), що тутъ забилисѣ якъ щуры въ дѣру и про себе не даютъ знати русскому свѣту, а они снова нарѣкали, що свояки не хотятъ имъ вѣрити и посмѣшкуются изъ нихъ, що были въ Калушѣ господарями, пôшли до Канады и теперь бôльше служатъ, якъ сидятъ на своемъ господарствѣ. Эй, що русскій народъ знае, — Сидѣти на купѣ якъ мухи на струпѣ, проводити сварки и процесы, рушитись изъ мѣстца не дай Боже, — говорила Павлиха.

У англичанъ служитъ другій братъ Павлихи, Михась, тотъ, що пріѣхалъ за гроши шурина до Канады. Ôнъ мае свою фарму, но служитъ еще по англичанахъ. Мѣщанинъ то письменный, ôтъ роду цѣкавый и бôльше оборотный; зарабляе 30 долярôвъ на мѣсяцъ, т. е. значно бôльше що Пиляновъ. То найлучше указуе, якимъ людямъ выѣздити до Канады, а якимъ нѣтъ. Пôлтора года тому, оженился Михась съ дочкою богатого фармера Леничка изъ пôдъ Жолквы и теперь уже совсѣмъ покине службу, бо уже на своемъ мае много пооранного поля и довольно хорошо загосподарованъ. Еще покойному ôддалъ Михась гроши за переѣздъ. Въ Недѣлю зайшолъ Михась до Павлихи, а при гербатѣ балакали мы съ собою до другой по пôлночи.

*

* *

Ѣдучи дальше на западъ, встрѣчаются уже, по-при плодороднѣйшихъ околицахъ, якъ Индіянъ Геадъ, Реджайне (Regina), чѣмъ разъ частѣйше стороны, бôльше пустыи, ажь наконецъ курьеръ жене по рôвной, сухой степи, поросшой узколистными сѣрыми травками, якъ бы полынкою, и дрôбнымъ попелистымъ полыномъ. Тутъ уже осадникôвъ не ма, а лишь тамъ, гдѣ плыве якаясь рѣчка, устроены великіи фармы капиталистичныхъ товариществъ, или поодинокихъ богатыхъ людей, головно для выпаса скота. Ѣдеся неразъ четверть годины курьеромъ вздолжь плота изъ кôльчастого дрота, которымъ обведена цѣлая такая фарма. Тутъ уже найсухше, тутъ за-мало дождей, щобы на-безпечно можно управляти сбôже. О недостатку дождей свѣдчатъ солоныи алькаличныи озера. Сумная то околица! Пôдъ конецъ дня земля стае лучшая, вмѣсто пѣскôвъ тяжкій чорноземъ, на которôмъ родится чудесное сбôже. Но що-жь. коли

тутъ уже близше горъ, околица высока и сбôже за-надто часто мерзне! Въ околицѣ города Кальгари, ôтъ которого выходитъ бочная ôтнога на сѣверъ до Эдмонтонъ, сбôже дуже часто косятъ незрѣлое, на зимовую пашу для скота...

Южная Альберта, то край, въ которôмъ выпасаютъ огромныи стада скота. Стада по кôлька тысячъ штукъ, належащіи до одного властителя, не суть рѣдкостію. Та околица майже исключно англійская; сюда англійская шляхта высылае своихъ сынôвъ на фармерôвъ, натурально, съ достаточными капиталами.

Выкормити штуку скотины—коштуе чрезвычайно мало, бо, если у кого нѣтъ много своей земли, то вынаймае великіи просторы земли ôтъ правительства. За акръ платится на годъ 2 центы, т. е, 5 нашихъ крейцарôвъ. Одинъ пастухъ на кони обходитъ кôлькасотъ и тысячу штукъ худобы. Каждый пастухъ мае до своей роспорядимости кôлька коней пôдъ верхъ, но удержанье ихъ ничого не коштуе. Кони пасутся въ степи, а зерна не получаютъ. Що однако найинтереснѣйше, то тое, що въ тôмъ климатѣ скотина прекрасная, расовая, цѣлую зиму стоитъ пôдъ голымъ небомъ, и що для ней совсѣмъ не стараются о правильную пашу. Противно, скотина сама собѣ выглядитъ пашу пôдъ снѣгомъ, и волитъ ту сухую траву, якъ кошеное сѣно. Тутъ въ южной Альбертѣ не падае николи много снѣгу, а коли упаде, то вскорѣ теплый вѣтеръ Чинукъ (Chinook) ôтъ Тихого Океана стопитъ сей снѣгъ. Рѣчь ясна, що при тôмъ способѣ обходженья со скотомъ, каждой зимы на 100 штукъ якихъ 6—8 ôтойде, а въ дуже острыхъ зимахъ и бôльше, но англичане обчислили, що тѣмъ далеко меньшую страту понесятъ, якъ если бы мали выда-

вати на зимовую пашу и на стайни. А впрочемъ, если хто буде удивлятись, якъ тутъ бѣдная скотина може вызимовати, то сверну напередъ увагу, що то скотина толстая, выпасенная въ лѣтѣ на пасовищахъ, а во вторыхъ, тамъ и люди, индійцы, не живутъ въ хатахъ, а цѣлую зиму провадятъ житье пôдъ полотняными шатрами, хотя случаеся неразъ тридцать кôлька и до сорокъ степеней мороза. Морозъ тамъ сухій и не такъ прикрый, якъ у насъ.

Отъ Кальгари до Эдмонтонъ край стае чѣмъ разъ низшій и ôтповѣдно до того климатъ чѣмъ разъ лагôднѣйшій. Въ Эдмонтонѣ пересѣчная теплота выеша, чѣмъ въ городѣ Кальгари, лежащôмъ кôлькасотъ англійскихъ миль на югъ. Желѣзная дорога, которая тамъ ледва кôлька лѣтъ тому побудована, провадитъ черезъ дуже урожайныи окрестности. особенно коло самого Эдмонтона. Для того близшая окрестность Эдмонтона до кôлькохъ лѣтъ совсѣмъ заселилась и теперь въ окрузѣ якихъ трехъ миль суть тôлько на продажу фармы.

Желѣзная дорожная линія доходитъ тутъ лишь до золотоносной рѣки Саскачеванъ. Дальше годѣ было провадити желѣзницу, бо долина рѣки глубока на 150 стôпъ, а широка горою якой пôлъ мили англійской. Выбудовати тутъ мôстъ коштовало бы величезныи сумы. Самъ городъ Эдмонтонъ лежитъ по сѣверной сторонѣ Саскачевана, а треба поромомъ черезъ ту рѣку переѣздити. И тамъ именно, по-за Эдмонтонъ, лежитъ одна изъ найбôльше плодородныхъ околицъ Канады, т. зов. Сантъ Альбертъ. СИ-ПИ-Я требуе за свои грунты въ тôмъ мѣстцѣ, такъ дуже ôтдаленнôмъ ôтъ свѣтовыхъ торговъ, даже по 5 доларôвъ за акръ, а-то значитъ страхъ дорого. На днѣ Саскачевана находится золотый пѣсокъ, который фармеры получутъ

въ вôльныхъ хвиляхъ, заробляючи пересѣчно по доляру на день. На берегахъ Саскачевана находятся въ землѣ толстыи слои бурого угля. По рѣцѣ ходятъ изрѣдка маленькіи пароходы, но вообще то рѣка довольно мѣлкая и не буде николи на ней живѣйшого движенья пароходôвъ. Съ-ôтти до Монтреаль, до морского порта, коштуе транспортъ бушля пшеницы о 7 центôвъ бôльше, якъ изъ Виннипега до Монтреаль, значитъ, СП-ПП-Я везе бушель пшеницы выше тысячу англійскихъ миль за сѣмь центôвъ и все-таки выходитъ, що фармеръ въ Манитобѣ на каждôмъ бушлѣ взыскуе кôлька центôвъ, въ порôвнаныю съ фармеромъ въ Эдмонтонѣ.

Тутъ однако бôльше вôльного мѣстца; въ ôтдаленіи якихъ 4—5 миль ôтъ желѣзной дороги, все вôльне, — никто не сидитъ. Особенно вздовжь рѣкъ, а и надъ самымъ Саскачеваномъ, есть такъ, що якихъ 3—4 англійскихъ миль грунтъ добрый, а дальше уже плохшій, и еще долгіи лѣта никто на него не буде лакомитись. Кто займе полосу надъ рѣкою, тотъ на долго мае за собою забезпеченье даромъ корыстати изъ великихъ просторôвъ пасовищъ, дуже добрыхъ для овецъ, а еще совсѣмъ пôдходящихъ и для рогатого скота.

Въ околицѣ Эдмонтонъ, на востокъ, лежатъ Стоней Плейнсъ (Stoney Plains), на которыхъ розсѣлось около сѣмдесяти родинъ галицкихъ нѣмцôвъ изъ тѣхъ самыхъ мѣстцевостей, що и тѣ коло Гринфиль, т. е. изъ Семигенова, изъ Дулибъ, Хоросницы, Завадова и Бригитау пôдъ Стрыемъ, изъ Гассендорфа и Новогосела коло Дрогобыча, изъ Болехова, изъ Іозефсберга коло Львова и. т. д. — Тѣ Стоней Плейнсъ — то одна изъ найкраснихъ околицъ Канады, майже совсѣмъ рôвна, тôлько слегка волнована, съ богатствомъ дерева въ лѣскахъ, а все про-

чое покрыто буйною срубовою рослинностію. Очевидно, былъ тутъ колись лѣсъ, но выпалился.

Нѣмцы сидятъ тутъ ледва четыре лѣта, вытерпѣвши много передъ тѣмъ черезъ два лѣта въ посушной околицѣ Дунморе. Но тутъ богатство ихъ росте такъ быстро, що ажь приходитъ удивлятись. Правда, що тѣ четыре лѣта выпали вообще добре, помимо случающихся уже при концѣ августа нôчныхъ приморозкôвъ. Вообще, климатъ бы тутъ былъ дуже добрый, бо зима въ сущности не тяжшая ôтъ нашой, а въ каждôмъ случаѣ лагоднѣйшая, чѣмъ въ Манитобѣ, гдѣ, — якъ говорятъ, — снѣгъ ôтъ морозу рушаеся якъ живый и дожди всегда перепадаютъ въ достаточной мѣрѣ, если бы лишь не тѣ лѣтніи приморозки. Съ дождями въ цѣлой Канадѣ, то добро, що никто не знае, що то значитъ, якъ сбôже сросте, или сѣно согніе, бо тутъ того не бывае, а то ощаджае господарямъ много роботы.

Нѣмцы наши, довѣдавшись, съ-ôтки мы, витали насъ дуже сердечно и тѣшились нами, якъ своими, коли межь тѣмъ наши Русины вообще рôвнодушно до насъ ôтносились, бодай чи не пôдозрѣвали въ насъ якихъ экзекуторôвъ, хотя того рода людей фармеръ тамъ не знае...

Тутъ также сбôже дозрѣвае немного пôзднѣйше, якъ въ Манитобѣ, и вообще въ мѣстцахъ бôльше отвертыхъ, бо 25 августа найраншій сортъ (ярой) пшеницы „Ладога“ былъ дозрѣлый, а свычайная пшеница (яра) Редъ Файфъ (Red Fyfe) была еще незрѣла. Нѣкоторыи нѣмцы управляютъ еще жито, ярое и озимое, голомшу, ленъ и коноплю, но они скоро сойдутъ на пшеницу.

Фридрихъ Гебель (Göbel) изъ-пôдъ Стрыя, у которого мы мали первый ночлѣгъ, прійшолъ на

Стоней Илейнсъ съ скотомъ и съ долгами. За 4 лѣта заоралъ 97 акрôвъ земли, побудовалъ будынки (що правда, такіи первыи будынки, кромѣ труда, ничого не коштуютъ), купилъ плугъ за 16 долярôвъ, вôзъ за 60 долярôвъ, жнивярку за 170 долярôвъ, молотильню съ киратомъ и т. д., купилъ пару великихъ коней за 160 долярôвъ, мае много безрогъ, которыи на пасовищѣ самомъ дуже красно выглядаютъ (тутъ о воду легко) и прч. и прч. У Гебеля есть восьмеро дрôбныхъ дѣтей, ôтъ которыхъ помôчь невелика, а мимо того купилъ нѣмецъ уже одну поблизкую фарму, 160 акрôвъ, ôтъ желѣзнодорожной компаніи СП-ПП-Я, по 3 доляры за аркъ; а надумуеся, чи бы не взяти другой. Загосподарованный на одной фармѣ, може легко сплачовати другую, таки изъ того, що на ней уродится.

— Другій почлѣгъ мали мы у старого Милера (Müller) изъ Завадова, переѣхавши въ день по-при много нѣмецкихъ фôльварковъ, бо каждая фарма — то фôльварокъ. Тотъ прійшолъ до Виннипегъ съ 7 дѣтьми и 30 долярами въ карманѣ. Былъ сперва въ сухой околицѣ, но и тамъ уже немного доробился. — „Я не пыталъ тамъ, чи то мое, чи не мое, а гдѣ лишь былъ при моемъ вôльный грунтъ, то я безпардонно оралъ,“ говорилъ намъ Милеръ о своемъ пребыванью въ Дунморе. Ôнъ счастливъ, що у него есть дорастающіи сыны, бо то капиталъ въ Америцѣ. Милеръ мае теперь четыре фармы, то значитъ: его одна, а три сынôвскіи. Найстаршого сына ôнъ уже цѣлкомъ вывѣновалъ, другій точно теперь при его помощи загосподаровуеся, а третёму еще не минуло 18 лѣтъ, а уже и для него выбрана фарма. Самъ старый мае 5 великихъ коней и 2 лошаки, кôлька коровъ, цѣлую машинерію, навѣть добру рядовую сѣвачку (190 дол.), такъ

що на обыстю его выглядае красне, якъ на добрѣмъ фольварку. Старый Миллеръ вѣзъ насъ на фарму своего сына черезъ буйныи сбôжа, щобы намъ показати его взрôстъ, а кони и новôзъ майже плыли сбôжемъ. Ôнъ таки и каже: „Я бы теперь и съ галицкимъ дѣдичемъ не мѣнялся!" Вообще, нѣмцы дуже тутъ задоволены и щиро въ молитвахъ дякуютъ Богу, що ихъ кинулъ въ такое мѣстце. Но вôльныи фармы на Стоней Плейнсъ уже заняты, а дальше тягнутся лѣсы.

Въ подобный способъ всѣ нѣмцы загосподаровались и для того оно варто застановитись, въ якихъ то сталось условіяхъ. Наперёдъ треба сказати, що та осада галицкихъ нѣмцѣвъ лежитъ около четырехъ миль ôдъ Эдмонтона, що до желѣзнодорожной стацін треба еще переправлятись черезъ рѣку. Найнизшая цѣна сбôжа тутъ выносила 55 центôвъ за бушель и была свычайно высшая, якъ въ Манитобѣ. Но слѣдуе памятати, що то дѣло ненормальное, що такъ не буде всегда, лишь такъ долго, пока сюда не буде великій наплывъ люда. Въ Манитобѣ, въ текущôмъ году, упала вправдѣ на короткое время цѣна пшеницы за бушель (30 килограмôвъ) до 44 центôвъ (=1 зр. 10 кр.). Была то найнизшая цѣна, якая коли-нибудь существовала. Якъ видимъ, цѣна чрезвычайно низкая, — однако взыскъ на сбôжу покажеся, коли обчислимъ, скôлько фармера коштуе выпродуковати бушель пшеницы. Отже-жь изъ всѣхъ данныхъ, якіи я собиралъ въ цѣлой Канадѣ, выходитъ, що роскодъ продукціи одного бушля выносятъ 25 до 30 центôвъ, то значитъ, що на каждôмъ бушлѣ взыскуе фармеръ, при найгôршихъ цѣнахъ, еще 10 центôвъ. При середнêмъ урожаѣ 20 бушлей изъ акра выносилъ бы чистый взыскъ 2 доляры ôтъ акра, то значитъ,

около 7 реньскихъ ôтъ морга; треба однако заметити, що въ тôмъ обчисленью принято для фармера за каждый день роботы въ поли одного долара ($2^{1}/_{2}$ зр.), а кромѣ того иде чистый взыскъ.

Добрыи кони получитъ тамъ за 100 доларôвъ пару, а найкрасшіи, великіи, робучіи волы за 80 доларôвъ. Корову можно купити за 25 до 35 доларôвъ. За то за доросшую безрогу въ Стоней Плейнсъ платятъ ледви 6—12 доларôвъ. Цѣна яецъ розлична; нѣмкини брали давнѣйше за копу 50 центôвъ, но теперь получаютъ иногда лишь $12^{1}/_{2}$ цента, бо того не ма кому тамъ продавати. Единственный тутъ городъ Эдмонтонъ лежитъ еще на половину въ лѣсѣ; деревянныи тротоары провадятъ еще межь корчами, а помимо своего электричного освѣщенья, мае городъ едва 2000 жителей, тожь если чого за много доставятъ на торгъ, то цѣна падае несоразмѣрно низко.

Изъ Стоней Плейнсъ выбралисъ мы на востокъ до Фортъ Саскачеванъ, мѣсточка, ôтдаленного около 5 миль ôтъ Эдмонтона. Дорога черезъ чорноземную степь рôвна якъ скатерть и, якъ у насъ мѣстцами по Подôлью, поросшая буйнымъ подорожникомъ. Въ Саскачеванъ находятся касарни конной жандармеріи, которая стаціонована тутъ головно лишь для безпеченства, щобы индійцы коли не устроили повстанья; но индійцы волѣли вынестись далеко на сѣверъ, бо имъ тутъ уже не стало звѣрины на полёванье, а они не хотятъ управляти поля. До касарень нѣкоторыи фармеры доставляютъ сѣно и получаютъ 5 до 6 доларôвъ за фѣру.

За Саскачеваномъ край рôвный и уже бôльше на степь похожій. — Тутъ снова сидятъ галицкіи нѣмцы, также хорошо загосподарованыи. Межь ними сидитъ и одинъ рускій колонистъ, который,

есть уже тутъ отъ четырехъ лѣтъ, именно Антонъ Пайчъ изъ Небылова. Его будынки, можно сказати, краснiи, чѣмъ у нѣмцевъ; былъ разъ погорѣлъ, а нѣмцы-сосѣды тогда запомогли его и онъ побудовался лучше, якъ они. Его хата единственная въ Канадѣ въ томъ взглядѣ, що покрыта соломою. Въ середнѣ хаты, невбочь свычайной желѣзной кухни, побудовалъ собѣ Пайчъ печь для печенья хлѣба. Мае онъ пару хорошихъ воловъ, плугъ, возъ (за 60 долярôвъ), 11 штукъ рогатого скота, но машинъ нiякихъ, — мае дальше всего 25 акрôвъ пшеницы и загонъ ярицѣ изъ двохъ квартъ, но такой, якой въ своей жизни хиба уже не будемъ видѣти (изъ двохъ высѣяныхъ квартъ буде якiи двѣ бушли). Вывѣновалъ также Пайчъ сына. Въ цѣлости однако, оставивши на сторонѣ будынки, не може онъ мѣрятись съ нѣмцами, которыи, прiйшовши сюда, сейчасъ далеко лучше розгосподаровались. Пайчъ вывêзъ изъ дома 1120 зр., но агенты по дорозѣ такъ его обôбрали, що въ Канаду прiѣхалъ майже безъ крейцара!...

За четыре лѣта Пайчи еще не достроились до своего положенья: все еще не научились чистоты, ходятъ съ голыми грудьми и, розумѣеся, — ихъ уважаютъ яко щось гôршого отъ иныхъ! Запыталъ я старого Пайча, чи добре ему тамъ. На то началъ онъ крутити и сказалъ, що ему и дома было добре, словомъ, не отчувалъ добра такъ, якъ нѣмцы... За то жѣнцѣ его ничого не браковало, кромѣ священника, и все говорила, що боится грѣха. — „Якого?" пытаю. — „Отъ (говоритъ), мы тутъ дуже пôздно встаемъ, вылягуемся, то я думаю, що Богъ за то буде карати!"

Въ цѣлой той окрестности фармерская жизнь такая: Хлѣба всякого до воли, ажъ надто, но о

крейцаръ не легко. — Побôчь Пайча, осѣлъ сей весны полякъ Гельвихъ изъ Львова. Во Львовѣ былъ бнъ токаремъ, а въ Канадѣ взялся до фармы.

Кôлька англійскихъ миль дальше, на самôмъ краю цивилизованного свѣта, бо по-дальше на востокъ осадъ не ма, осѣло кôльканадцать небыловскихъ родинъ, въ мѣстцевости Биверъ Гильсъ. (Beaver Hills, т. е. Бобровыи горбы), почта Эдна (Edna). Они прійшли сей весны, дуже долго глядали мѣстца и перебирали, ажь наконецъ осѣли тутъ. Земля тутъ чорная, но уже бôльше легкая.

Сидятъ тутъ именно: Андрѣй Пайчъ, Стефанъ Чичакъ, Михайло, Никола и Федоръ Мельники, Василь Фенякъ, Иванъ Пилипôвъ, Михайло Пулысѣй, Никола Тычковскій, Петро и Матеей Мельники изъ Перегинска, Михайло изъ-пôдъ Самбора и Иванъ Дубровскій изъ-пôдъ Золочева. Сему послѣднему случилось приключеніе: Упился въ Эдмонтонѣ, и ктось укралъ ему парусотъ реньскихъ. Но понеже тамъ на далекôмъ Западѣ николи про ніякое злодѣйство не чути (тамъ въ готелѣ никто своей комнаты, ни даже куферка не замыкае), то таки упало пôдозрѣнье на его галицкихъ компанôвъ. Вообще же можно сказати, що люди тѣ прійшли сюда на мѣстце съ дуже малыми засобами. Всего скота маютъ теперь разомъ 40 коровъ, 16 коней и 19 волôвъ.

Намъ именно было интересно розглянутись, якъ тѣ наши люди, которыи сюда на мѣстце майже безъ ничого приходятъ, даютъ собѣ раду. Отже-жь первое, що у такого нашого колониста въ очи впадае, — то хата. Наши люди вообще будуютъ собѣ тамъ ôтъ разу хаты красшіи, нежели нѣмецкіи или англійскіи фармеры. Одинъ изъ Мельниковъ покрылъ даже свою хату гонтами, которыи

самъ себѣ выдѣлалъ. Хата презентуеся съ далека дуже хорошо, но все-таки не мае то смысла: такъ дорогій трудъ сейчасъ съ початку марновати. Первая хата фармера бывае дуже проста. Скрыня изъ осиковыхъ кругляковъ, безъ стели съ дахомъ, часами майже совсѣмъ плоскимъ, якъ вѣко ôтъ скрыни, также изъ кругляковъ. На верху кладеся немного сѣна, а все то прикрываеся дерніогами, выоранными гдѣ нибудь на преріи. Стѣны и стеля изъ середины вымащуются глиною и хата готова. Хата съ такимъ дахомъ возможна лишь въ климатѣ канадійскомъ, гдѣ властивыхъ слотъ не ма. Свычайно, но не всегда, есть при хатѣ прибокъ, и въ тôмъ прибоку ставляютъ желѣзвую кухню. Въ такой хатѣ чужій фармеръ сидитъ кôлька лѣтъ, а коли доробится гроша, тогда ставитъ собѣ дворокъ изъ тертого матеріала, на американскій способъ.

Все указуе на то, що наши колонисты до кôлькохъ лѣтъ добыются добробыту, но теперь, среди тяжкой початковой роботы, занедбались такъ, що пôдъ верствою бруду не выглядаютъ на образъ и подобіе Божое... Тѣ обдертыи особы, нехарныи твари ни разъ не пасуютъ до тѣхъ вôльныхъ степей, на которыхъ сидятъ. Такъ и сдаеся, що тѣ заоранныи нивы, тѣ стирты пашни, тѣ загороды, обôймающіи цѣлый фôльварокъ, хиба не могутъ належати до такихъ нужденныхъ существъ... Маемъ однако въ Бозѣ надѣю, що тѣ люди скоро достроятся до своего положенья и не будутъ дѣлати стыдъ русскому имени...

* *

*

Хотя въ Канадѣ сто разы лучше якъ въ Бразиліи, то мимо того я не упевнювалъ бы никого о добрѣ, бо есть много рѣчей, до которыхъ нашъ

человѣкъ тутъ не привыкъ, а который прикро будуть разити. Но понеже не ма сомнѣнія, що и такъ наши мужики пôйдуть на весну до Канады, то тѣшить мене дуже, що и где-якіи интелигентныи, бывалыи въ свѣтѣ люди, выбираются съ весною до Канады и будуть могли быти провôдниками нашихъ селянъ, которыхъ бы навѣрно обдерли по дорозѣ агенты. Тѣмъ то интелигентнымъ людямъ скажу що найважнѣйшое, покажу имъ на мапѣ, где именно теперь мали бы селяне осѣдати, розскажу много другихъ практичныхъ рѣчей, безъ которыхъ трудно было бы дати собѣ раду, а которыхъ въ сей малой книжечцѣ годѣ умѣстити.

Всякого рода мантѣи уже загинають пароль на нашихъ селянъ. Якій-то вагабунда изъ улицъ Виннипега, по имени Комарницкій, розписуе листы по Галичинѣ, намовляючи людей, щобы удавались пôдъ его „опѣку," коли приѣдуть до Виннипега. Ну, уже бнъ ними заопѣкуеся!... Одно письмо сего панка, адресованное до Небылова, получилъ я якъ разъ черезъ посредничество о. Лопатинского. Сей панокъ пôдписуе себе „вицепрезидентъ," для бôльшой поваги, но, на свое несчастье, панъ вицепрезидентъ, который може улицы тамъ замѣтае, не умѣе бѣдачиско даже порядно писати!... Береся однако ловко до дѣла: обѣцюе Небыловцамъ „выробити у правительства" такіи рѣчи, которыхъ „выробляти" цѣлкомъ не треба, бо то урядники съ уряду сами робятъ. Вижу однако, що сбманщикъ ôтъ разу найшолъ вѣру въ Небыловѣ, и два ôтпоручники селяне, которыи сей осени поѣхали на осмотръ до Канады, невно уже солоно оплатилися за ласкавую протекцію пану „вицепрезиденту" ôтъ замѣтанья улицъ.....

* *
*

Изъ моей подорожи по Америцѣ привожу одну счастливую вѣсть, которую тутъ подаю на закôнченье. Именно пôдъ конецъ текущого року начали на-ново ôживати интересы, пôшли въ рухъ фабрики, есть робота въ фабрикахъ, въ копальняхъ угля въ Соединенныхъ Штатахъ, а особливо въ Пенсильваніи, тамъ, гдѣ нашихъ Лемкôвъ и Угро-руссôвъ есть до двѣста тысячь, а священникôвъ русскихъ до тридцати. Дневный заробокъ выноситъ тутъ найменьше одного доляра, т. е. 2 зр. 50 кр., а нашъ скромно живущій человѣкъ може близко половину изъ того ощадити. Робота, що-правда, тяжкая. Туда отже дужіи а цѣкавыи люди, переодѣвшись по свѣтовому, могутъ ити на заробокъ, перевести тамъ якіи два лѣта, собрати кôлькасотъ ренскихъ и, обогаченныи опытомъ и просвѣщенныи, вернути домôвъ на господарство и на проводирôвъ своеи громады для еи добра и воли.

Дорога до Нового Іорка и до Пенсильваніи коштуе около сотки, но потреба взяти съ собою сто кôлькадесять ренскихъ, бо въ портѣ въ Новôмъ Іорцѣ належитъ выказатись грôшми на содержанье по крайней мѣрѣ на одинъ мѣсяцъ.

Радо дамъ каждому, ѣдущому до Пенсильваніи, поручающое письмо до одного изъ нашихъ священникôвъ, бо такое письмо забезпечае ôтъ того, що не завернутъ его изъ Нью-Іорка до Европы даже тогда, если бы не было много грошей въ руцѣ.

Безъ „шифкарты“ (билета на пароходъ, или корабель), ведля свѣжого распоряженья галицкого намѣстничества, не выдадутъ у насъ староства паспорта, а также и въ Нѣмеччинѣ жандармы завертаютъ ѣдущихъ въ Америку, если тѣ не маютъ „шифкарты,“ или кôлька сотокъ.

Въ западныхъ Соединенныхъ Штатахъ есть

еще грунты вôльныи въ климатѣ лучшôмъ ôтъ Канады, однакожь не масою, а бôльше роскинены.

Не могу росправщатись съ моими читателями, не давши имъ рады: Призадумайтеся уважно надъ каждою рѣчью, щô въ сей книжечцѣ стоитъ и рѣшѣтъ сами, чи Вамъ выпадае ити до той Америки, чи лучше сидѣти дома... Розличныи порады, походящіи ôтъ людей, которыи Америки не видѣли, ни нашого положенья тутъ не знаютъ, ни экономичныхъ ôтношеній края не понимаютъ, — порады чи на ту, чи на тамту сторону, пускайте мимо ушей, а эмиграційного дуру до головы не принимайте...

Если бы кто, розважно роздумуючій о справѣ, потребовалъ якой близшой информаціи, я радо ему удѣлю такую на письмѣ. На ôтвѣтъ слѣдуе залучити почтовую марку.

Писалъ въ мѣсяцѣ декабрь, 1895.

Д-ръ І. Олеськовъ,
Львôвъ, ул. Голубья, Ч. 11. А.

Ôтозва

къ пчт. Членамъ Общества им. Мих. Качковского.

Въ передпослѣдней книжечцѣ мы предостерегли пчт. Членôвъ нашого Общества и всѣхъ Родимцêвъ, щобы не продавали своей земли полударомъ и не эмигровали изъ дома до Бразиліи и другихъ краêвъ на слѣпо, вѣрючи несовѣстнымъ агентамъ, розсказывающимъ Богъ вѣсть якіи басни, и заразомъ мы прирекли, що о эмиграціи выдамо книжечку, въ которой г. д-ръ Іосифъ Олеськовъ, ѣздившій въ Канаду и Соедин. Штаты, опише все точно и совѣстно. Приреченіе то исполняемъ теперь изданіемъ сей книжечки, изъ которой пчт.

Члены и всѣ Родимцы точно увѣрятся, що о эмиграціи на постоянно нашихъ людей не лишь до Бразиліи, но даже и до Канады не може быти бесѣды. Для того-то читайте сію книжечку каждому, чи то въ селѣ, чи на торгахъ, и поясняйте, щобы наши братья не дали себе отуманиватись несовѣстнымъ агентамъ такъ своимъ, якъ и чужимъ, которыи умѣютъ изъ несчастныхъ людей взыски тягнути. А що такъ есть на дѣлѣ, то посвѣдчаютъ факты, выйшовшіи на дняхъ на свѣтъ Божій, — и такъ: Въ Удине, италійскôмъ портовôмъ мѣстѣ, арестовали тамошніи власти кôлькохъ такихъ агентôвъ, а между ними, къ сожалѣнію, и нашого человѣка, якого-то ученика Сѣдельника, который, представляючи себе будь-то добродѣемъ намѣряющихъ эмигровати, тамъ въ Удине обмановалъ несчастныхъ эмигрантôвъ. Онъ имѣлъ выдурити ôтъ тѣхъ жертвъ якихъ 20.000 зр. и славити Бога, що черезъ его арестованье положено тому всему конецъ. Понеже ôнъ розсылалъ розличного рода письма, щобы, намѣряющіи эмигровати, информовались такъ у него, якъ и во Львовѣ у Ал. Щербана при ул. св Войтѣха, то предостерѣгаемъ всѣхъ, щобы тѣмъ письмамъ не давали вѣры. Якъ дальше несчастныи эмигранты бѣдуютъ въ Бразиліи, то, прислухуючись розсказуючимъ, аж волосье на головѣ стае. А все то суть невинныи жертвы несовѣстныхъ агентôвъ... О томъ розкажемъ еще и въ ближайшой книжечцѣ, яко ôтъ наочного свидѣтеля, одного человѣка изъ подъ Ярычева, которому удалось утечи изъ плянтацій кавы и вернутись на родину, но, розумѣется, до большой бѣды, якъ прежде. бо, продавши прежде грунтъ, теперь остался безъ ничого... Но мимо того, говоритъ ôнъ, що и такъ чувствуется счасливщимъ, нѣжь коли

бы въ Бразиліи имѣлъ Богъ вѣсть якіи засобы. Сердце пукае, говорить, коли человѣкъ, остаючи въ найбôльшой нуждѣ и неволѣ, не имѣе своеѣ церковцы, своего щирого Отца духовного, ни сродныхъ, ни сосѣдъ, щобы до тебе на твоемъ рôднôмъ языцѣ громовали и утѣшили въ журбѣ и несчастью. Та навѣть то прекрасное руское солнечко якъ-бы завзялось на тебе, бо замѣсть огрѣвати тебе мило и лагодно, якъ въ твоемъ краю, тутъ не дае спокою своею спекотою... Такъ вотъ жіеся тѣмъ несчастнымъ жертвамъ въ Бразиліи, которыи дали обманутися ловкимъ и несовѣстнымъ агентамъ. Для того-то, Братья, отклоняйте отъ себе съ презрѣніемъ всякую эмиграцію до Бразиліи, а понеже также и эмиграція до Канады (якъ изъ повысшой книжечки узнаете) для нашихъ людей не надаеся; то лишь осталась бы часовая эмиграція на заробки, однако лишь до Соедин. Штатôвъ, т. е. Пенсильваніи, и то по примѣру нашихъ Лемкôвъ, которыи побудутъ тамъ два, три и бôльше лѣтъ, зарабляютъ гроши и вертаются назадъ на родину. Но и тамъ, въ Пенсильваніи, эмигрують лишь молодыи, здоровыи и сильныи люди, бо, якъ видите изъ повысшой книжечки, тамъ трудъ въ копальняхъ угля есть дуже тяжкій. Представивши такъ Вамъ, дорогіи Члены и Родимцы дѣло эмиграціи вѣрно и совѣстно, мы исполнили лишь свôй патріотичный долгъ и надѣемся, що всѣ вы съ благодарностію прійметe то до своей вѣдомости и ведля того поступите.

Съ сею книжечкою кôнчимъ 1895 рôкъ. Якъ мы вывязалися изъ принятой на себе задачи, не намъ судити, то лишь скажемъ, що у насъ была найлучшая воля и мы трудилися по силамъ, не опуская ничого важнѣйшого изъ ока. Если бы у насъ была бôльшая матеріальная пôддержка изъ

стороны пчт. Членôвъ, мы бы еще бôльше и лучше вывязалисъ изъ принятого на себе долга, такъ якъ могли бы издавати еще бôльше объемистыи якъ до теперь книжечки. Но на жаль, хотя — може быти, що то есть вслѣдствіе общой въ краю нужды, — не всѣ члены исполняютъ точно свои обовязанности, т. е. не присылаютъ на часъ своихъ членскихъ вносôвъ. Есть бо такія члены, которыи остаются въ рестанціи съ членскими вносами за два лѣта, черезъ що и наше Общество не може такъ точно вырôвнывати свои счеты, якъ бы оно повинно быти. Для того просимъ пчт. Членôвъ якъ найумильнѣйше: поскорити съ присылкою всякихъ залеглостей, — неостающихъ же въ ніякой рестанціи, просимъ о ôтновленье членскихъ вносôвъ на 1896 рôкъ. Для догодности всѣхъ пчт. Членôвъ пересылаемъ заразомъ готовыи почтовыи приказки въ цѣли пересланья намъ своихъ вносôвъ, или рестанцій. Кромѣ того, просимъ пчт. Членôвъ и всѣхъ друзей нашого Общества, заохочовати всѣхъ своихъ знакомыхъ до найчисленнѣйшого вступленья въ члены нашого Общества. Членскій вносъ, выносящій на рôкъ 1 зр. и 20 кр. для нововступающихъ, разъ на всегда вписового — есть такъ малый, що е о могутъ безъ трудности и найбѣднѣйшіи уплатити. А цѣли Общества, которое поставило собѣ яко покликъ: „Молися, учися, трудися, трезвися," суть такъ хорошія, що не должны найтись такіи люди, которыи бы тому не сочувствовали. Для того мы и надѣемся, що съ 1896 рокомъ въ Общество наше поступитъ якъ найбôльшое число Членôвъ. Належитъ бо, Братья, соединитись намъ въ якъ найбôльшôмъ числѣ въ тôмъ единственнôмъ Обществѣ, которое неустрашимо дѣйствуе въ пользу св. Матери-Руси.

Дальше изъ взгляда на то, щобы мы управильнили накладъ и що приступаемъ къ изготовленью новыхъ адрессôвъ, просимъ о скорую присылку реставцій, якъ также о перемѣнѣ своего жилища или новой почты сейчасъ нашой канцеляріи донести, а также дѣлати то и въ будущности. Такъ само просимъ донести намъ о смерти которого изъ нашихъ членôвъ, щобы мы дальшую высылку книжечокъ пріостановили, а кромѣ того имя его вписали въ „Помянникъ упокоившихся членôвъ Общества."

Дальше извѣщаемъ, що всѣмъ тѣмъ членамъ, которыи остаются въ рестанціи съ членскими вносами за два лѣта и въ короткомъ времени не надôшлютъ вноса хотя за одинъ годъ, сдержимъ высылку книжечокъ съ 1896 г. и первой книжечки на той рôкъ уже не вышлемъ.

Вконцѣ поздравляемъ почт. Членôвъ съ праздниками Рождества Христова и Нового Года и желаемъ имъ всякого блага.

Христосъ раждается!

Отъ центр. Выдѣла Общества им. Мих. Качковского.

На Коляду!

Къ почт. Членамъ Общества имени М. Качковского и всѣмъ почт. Родимцямъ!

Маю честь поручити почт. Членамъ Общества им. М. Качковского и всѣмъ почт. Родимцямъ

Илюстрованный Молитвословъ для мірянъ

пôдъ заглавіемъ

„Кормъ Души,“

которого текстъ напечатанъ въ рамкахъ и обнимае 41 листôвъ печати въ 16°, или 656 сторонъ, и содержитъ: Общія молитвы и церковныя Богослуженія, съ короткимъ, популярнымъ поученіемъ на отвѣтнôмъ мѣстцѣ, именно о молитвѣ, о церкви и ея частяхъ и о церковныхъ Богослуженіяхъ, якъ: Вечерня, Повечеріе, Полунощница, Утреня, Часы, Обѣдница, Литургія св. Іоанна Златоустого, а также молитвы „Вечери Твоея Тайныя.“ Кромѣ того въ молитвословѣ томъ умѣщены: Параклисъ къ Пресв. Богородицѣ, четыре Акафисты, а то: Къ сладчайшему Іисусу, Благовѣщенію Пресв. Богородицы, св. Отцу Николаю и за усопшихъ, также Службы всѣмъ Праздникамъ и пр., Парастасъ, пѣсни, мѣсяцесловъ съ Пасхаліею и пр.

Молитвословъ той украшенъ 5 золоченными образками, именно: Спасителя міра, Пресв. Евхаристіи (Кормъ Души), равноапост. князя Владиміра, Пресвятой Богородицы „Безпрестанная Помощь“ и „Утоли моя печали,“ а кромѣ того при Праздникахъ и въ текстѣ св. Литургіи умѣщено 50 прекрасныхъ образкôвъ и илюстрацій. Весьма важнымъ обстоятельствомъ есть то, що въ текстѣ св. Литургіи, по-при илюстраціяхъ, умѣщено еще короткое поученіе о тôмъ, що каждое дѣйствіе означае, и черезъ то не лишь старшіи, но и наша молодêжь безъ особнои науки вскорѣ изъ того

молитвослова научатся значенія и обрядôвъ св. Литургіи и проч., и бôльше полюбятъ наши Богослуженія и свою св. вѣру. Вслѣдствіе того сей молитвословъ есть однимъ изъ найлучшихъ и найкраснѣйшихъ того рода изданій, и нынѣ, въ такъ тяжкіи для нашой Церкви времена, для нашихъ селянъ единоспасительнымъ. Онъ появился по рѣшенію генер. Собранія Членôвъ Общества и М. Качковского, занявшого 27-го августа (8-го сентября) 1892 г. въ г. Стрыѣ, и — вполнѣ удовлетворилъ высказанному въ томъ же собраніи желанію и подтвержденъ Высокопреосвященнымъ гр. к. Митрополитальнымъ Ординаріятомъ во Львовѣ до Ч. 649/орд.

Цѣна того молитвослова слѣдующая:

1)	въ полуполотно или полъ-скôрку	1 зр.	30	кр.
2)	въ цѣлую скôрку и золоченныи береги	1 „	80	„
3)	въ имитацію слоновой кости съ окутьемъ и аксамитнымъ хребтомъ	3 „	50	„
4)	въ цѣлую скôрку шагреновую съ окутьемъ и пр.	3 „	50	„
5)	въ имитацію кости слоновой, съ хорошимъ пріукрашеніемъ	4 „	—	„

Цѣна та подана безъ почтовой пересылки, которая выноситъ при одномъ примѣрнику 25 кр., а при двохъ по 15 кр. отъ примѣрника.— При замовленьяхъ 10 примѣрникôвъ почту оплачу самъ.

Удовлетворивши отже желанію Вичт. Членôвъ и всѣхъ Вичт. Родимцевъ и вывязавшись — думаю — хорошо изъ принятой на себе задачи, я вполнѣ надѣюсь, що Вичт. Родимцы поспѣшатъ чѣмъ скорше съ найчисленнѣйшими замовленьями и черезъ то заохотятъ мене къ дальшимъ трудамъ для блага Руси и нашой св. Церкви.

Вконцѣ добавляю, що принимаю также замовленья на „Иллюстрованную народную Исторію Руси“ (71 образкôвъ), по цѣнѣ 70 кр. и 80 кр., уже съ оплатою почты.

Съ почтеніемъ

С. А. Дуда,
секретарь Общества им. М. Качковского
во Львовѣ.